

*Ариадна
Борисова*

Повторите,
пожалуйста,
марш Мендельсона!

Ариадна Валентиновна Борисова

Повторите, пожалуйста, марш Мендельсона (сборник)

Серия «За чужими окнами»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20638420

*Повторите, пожалуйста, марш Мендельсона: Издательство «Э»; М.;
2016*

ISBN 978-5-699-90255-2

Аннотация

«Бабуль, а после сорока лет любовь точно заканчивается?» – спросила двенадцатилетняя внучка Веру Георгиевну. И бабушке было что рассказать на данную тему. Она вышла замуж за идеального мужчину, которому можно простить всё, даже легкие влюбленности и измены. Но вот беда – с некоторого времени Верочка стала замечать, что идеальный мужчина все чаще смотрит в сторону ее же лучшей подруги, а страсти не затихают с годами, напротив, разгораются с новой силой, достигнув своего пика как раз годам к сорока...

В авторский сборник Ариадны Борисовой вошли рассказы и повести. Все они – о внутренней свободе, человеческих страхах и, конечно, о любви.

Содержание

Рассказы	5
Черкашины	5
Повторите, пожалуйста, марш Мендельсона	38
Виагра	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Ариадна Борисова

Повторите, пожалуйста,

марш Мендельсона

© Борисова А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Рассказы

Черкашины

Филиал городской детской библиотеки, в которой Даша проработала четырнадцать лет (с пятью декретными отпусками), неожиданно закрылся, а другого места в централизованной библиотечной системе ей не нашлось. Два месяца Даша получала выходное пособие, затем, вопреки уговорам мужа, устроилась фасовщицей на молокозавод.

Монотонный труд невыносимо ее утомлял. Послеобеденные часы она выстаивала у конвейера на грани беспамятства, с онемелой поясницей и горючим клубком тошноты в горле, страшась вот-вот рухнуть на движущуюся ленту. И кто, скажите пожалуйста, придумал закон подлости – судьба или случай, или эта милая парочка действует заодно?

Впрочем, неважно. Важно, что по закону подлости Даша хлопнулась в обморок под ноги директору, когда он удостоил цех своим посещением.

На следующий день директор вызвал маломощную работницу в кабинет и предложил по-хорошему уволиться, поскольку производство терпит убыток из-за ее частых бюллетеней.

– А тут еще обнаруживаются ваши форс-мажорные обсто-

ательства, – укоризненно дополнил прозорливый руководитель.

Краснея от сознания собственного обмана, Даша беспркословно написала заявление – ведь при найме она на самом деле скрыла и многодетность, и «форс-мажор», теперь уже рвущий пуговицы рабочего халата.

Уплыли надежды на причитающиеся по закону (не подлости) деньги. «Перетерпим», – утешал муж, но «бог-изобретатель», очевидно, вошел в экспериментальный раж и решил испытать выдержку Черкашиных на всю катушку: в воскресенье Кирилл повел детей на горку, поскользнулся с санками и умудрился сломать ногу. А вскоре начался бурсит локтя – выяснилось, что ушиб при падении. Накрылись, таким образом, благие намерения выполнять проектные заказы на дому.

Долгие больничные листы оплачиваются не в срок и не предполагают премиальных. Кирилл увещевал жену не бросаться в крайности, но Даша, залив уши воском упрямства, отправилась в Центр занятости.

Сочувствующая девушка выдала список приемлемых вакантных мест и предупредила:

– Вряд ли получится... Ну, попытка не пытка.

Пытка оправдалась в полной мере, будто сам рок неудачи расставлял впереди невидимые шлагбаумы. Дашу не взяли ни вахтером, ни почтальоном, а уборщицей ей не удалось стать аж в четырех конторах. По неписаным правилам на-

чадьство лгало, не отказывая прямо, места оказывались либо уже заняты, либо вот только на днях сокращены по оптимизации штатов.

Меньшую, не вычеркнутую часть списка Даша отложила на завтра. «Не озлобляться, не озлобляться», – приказывала себе, чеканя шаг. Пора бы привыкнуть, что беременные не вызывают умиления у боссов, а многодетность считается синонимом неблагополучия даже у друзей.

Иногда Даше позванивали две бездетные подружки юности, не вылезавшие из заграничных круизов. Разговор неизбежно заканчивался порицанием: «Кругом столько всего интересного, мир бесподобный, а ты засела в четырех стенах!» Понимая, что главной целью звонка было плохо завуалированное туристическими восторгами превосходство чайлдфри, Даша думала: между собой подружки, конечно, перетирают ее чадолюбивый выбор до мозга костей. Примерно так: «Жаль Дашку, погрязла в безденежье, торчит дома как прокаженная, но это же ни в какие ворота, чтобы в наше время без конца плодить и плодить нищету!»

Даша не кидалась в обидчивую патетику, не растрчивала на мелочи дорогие сердцу события, происходящие в «четырех стенах» ее трехкомнатной квартиры и несравнимые, разумеется, с богатыми на приключения странствиями. Приятельницы просто не поверили бы в реальность неослабного интереса Даши к жизням, которые она сама произвела на свет, – интереса, пятикратно превзошедшего все ее альфы

и омеги. Дети были для нее свыше и свойственного любому человеку эгоизма, и архаически устойчивой привязанности к единственному мужчине.

Порой Дашу, конечно, тоже обуревала жажда путешествий, по настроению хотелось личного праздника, двух-трех часов одиночества, но никогда, ни одного дня не желала она свободы от детей. Ни за какие посулы не приняла бы Даша такой свободы ради египтов-кипров-гаван. Напротив, свободно и комфортно она чувствовала себя только тогда, когда весь народ маленького мирка Черкашиных собирался вместе после работы, школы и детского сада вокруг нее, как вокруг оси Вселенной.

Безденежье? Да ладно! У них все есть. Квартиру они сами приобрели, на четверть с помощью архитектурного акционерного общества, в котором работает Кирилл. У них есть машина «Тойота Суксид» с вместительным багажником, а в позапрошлом году повезло купить шесть дачных соток со старым, но вполне добротным домом. Это первые годы супружества, пока усиленно расплачивались с долгами, спали на полу и сидели вместо стульев на ведрах возле покрытого клеенкой ящика-стола. Гости приходили, Кирилл укладывал на ведра доску – получалась скамейка.

Маринка помнит, как выстраивала книжные «города» в пустом зале. Высокие стопки книг стояли рядом у стен в ожидании стеллажей, недаром же мама была специалистом по библиотечной комплектации (вот именно – была)... Рос-

кошные застекленные стеллажи «под дуб» украсили собой зал через два года к появлению Владика. Спустя четыре из-за нашествия погодков Кости и Никиты мама с папой переехали из спальни в гостиную, повесили на стены детские рисунки и фотографии в рамках, а полки с книгами разместились по комнатам и заняли коридор.

С самого начала Черкашины договорились родить дочь и нескольких сыновей. Вышло как задумывалось, по поговорке «Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын». Кирилл называл Маринку «приставочкой к сыну», баловал больше всех. Потом добавилась вторая «приставочка»...

Даша боялась известить сестру Алину, что счет на Сонечке не завершился.

...Студентке Алине исполнилось двадцать пять лет, Даше – пятнадцать, брату Тиме – двенадцать (как сейчас Владиду), когда мамы не стало. Отец внезапно загулял с неприлично юной девицей и через год, измученный стыдом и страстью, рванул с достигшей совершеннолетия женой подальше от детей-подростков.

По-другому можно сказать и так, что отца выгнала из дома старшая дочь. Красный диплом как раз помог ей возглавить отдел на энергетическом предприятии, Алина безоговорочно взяла патронат над младшими и велела им забыть об отце. Запретила звонки и переписку, отказалась от алиментов...

Надо отдать Алине должное: она вырастила и выучила сестру и брата. Алина контролировала каждое их действие.

Запрещала Тиме дружить со «спекулянтами», Даше – стричь косы и ходить в лосинах по тогдашней моде. Увидев однажды рядом с сестрой неизвестного охламона в китайских штанах «Montana Sport» с лампасами, от злости была вне себя и не постеснялась при нем в выражениях этой злости. Помня, как испугалась тогда, хотя была почти взрослой, Даша потом запретила себе резкие слова в разговорах с детьми, даже если они провинятся.

Алина долго препятствовала Дашиному замужеству, смирилась лишь по окончании «охламоном» архитектурного института. Отстав наконец от Даши, обрушила всю сестринско-материнскую любовь на Тимофея. С удвоенной энергией принялась выдавливать из него тягу к презренной коммерции. Однако, захаживая изредка к Черкашиным, Алина по старой привычке вмешивалась во все дела – от воспитания до штопки. Не лезла разве что в интимные супружеские отношения, высокомерно соглашаясь со своим в этой сфере невежеством. Называла Дашу неумехой и тем не менее пеняла Кириллу: пора бы твоей половине поставить при жизни памятник в виде Шивы, как в одном лице повару, швее, медсестре, педагогу и психологу.

«Прачку забыла, – смеялась Даша, – носков – килограммы!» Смеялась, а сама потихоньку начинала себя жалеть. Наверное, она и впрямь одна из последних весталок, что находили счастье в раздувании очага в честь плодovitой богини. Жалость к себе похожа на комариный укус – зудит нестер-

пимо, и чешешь, и чешешь... приятно... Но даже от умственных расчесов возникают плохо заживающие болячки, и Даша гнала вон надрывные мысли о многоруком индийском боге с ее, Дашиным, истомленным лицом.

Она не знала, чем так сильно притягивали Алину Соединенные Штаты. А та не могла понять, на кой черт Даше большая семья, с которой где угодно хлопот не оберешься, да и не сбежишь никуда из вечно турбулентной России. Теперь Алина с Тимой живут в Кливленде, штат Огайо. Жена у брата испанка, в семье растет дочь, Тима торгует подержанными автомобилями и доволен. В общем, мечты сбылись у обеих сестер и брата.

Даша, честно говоря, рада больше не слышать напористого голоса сестры. Переписываются по Интернету, скайпа нет и не надо. Родственников отделяет друг от друга огромная дистанция, а также непонимание величиной в жизнь. Точнее, в пять детских жизней плюс шестая в чреве.

Как родится эта новая жизнь, ее сразу поставят в очередь на детский сад. Три года назад Черкашины припозднились с заявлением на место для Сонечки и присматривают за ней кто свободен или соседка тетя Фаида. Костя с Никитой в подготовительной группе, одному семь, второму без двух месяцев шесть, но пойдут в школу вместе.

Сонечка не знает тетю Алину, а мальчики уже и не помнят. Даша показала им Америку на глобусе.

– А где мы сейчас на планете стоим? – спросил Никитка.

– Примерно здесь. – Даша вдруг почувствовала мизерность своей семьи на планете.

Сонечка сосредоточенно разглядывала нижнюю часть глобуса:

– Где тут сидит пластилин колец?

«Властелин колец», – сообразила Даша.

Вымысел и реальность перепутались в головах младших детей из-за фильмов, а Сонечка постоянно чудит со словами. Вчера попросила почитать сказку о гомиках. Чуть не плакала: «Гомики, гомики!» Впавшая в легкий ступор Даша кое-как догадалась, что девочка хочет послушать сказку о гномиках и Белоснежке.

...Кстати, в тему о «гомиках». В классе Владика началась борьба с гомосексуальной пропагандой. Родители желают видеть в детях отчетливую гендерную идентификацию. Одна из мам с пафосом вспомнила на собрании, что человек – это звучит гордо (в смысле человек – не гей). От слова «гей» у детей должен выработаться рвотный рефлекс. Дурные книги – в топку, и «голубых-розовых» хорошо бы туда же!

О, как мы умеем... Все возбудились, заговорили, перекивая друг друга. Ничто не спланирует народ крепче ненависти. Есть на чью кровь натаскивать мальчишек, и оправдание, в случае чего, есть: человек – это звучит гордо! «Не зарекайтесь, – хотелось сказать Даше, – а если ваш сын когда-нибудь признается: «Мама, я гей»?» и холодела:

«А если один из моих?..»

Воинственная родительница спросила, что она думает по этому поводу. Даша пожала плечом. Промолчала.

Кто устанавливает границу, отделяющую подозрение в пропаганде гомосексуализма от права личности на человеческое достоинство? Нет таких определителей. Вот Алина, старая дева, возвела асексуальность в ранг добродетельной аскезы – и гордится. Ущерб принесла лишь собственному норову, но ведь и эта «непохожесть» опасна подражанием. Движение чайлдфри тоже не улучшает демографическую обстановку. Правда, население страны в геометрической прогрессии увеличивается за счет гастарбайтеров и беженцев... Кого еще в топку?

Интересно, а мать, многодетная мать – это звучит гордо? Даша не может купить старшим детям хорошие телефоны, не до айпадов, какая тут гордость. Сложно объяснить, что наличие крутых гаджетов у одноклассников – возможно, мерило успешности их родителей, однако не всегда, – свидетельство счастья. Даша часто беседует с детьми о ценностях мнимых и настоящих, и в какую-то минуту ей самой кажется жалким ее романтический лепет на фоне все новых и новых реклам, новых лозунгов... новой ненависти и бессрочной нехватки денег.

Маринка отличница, в школе с ней нет проблем. Но Дашу беспокоит болезненная надменность, мелькающая на круглом по-детски лице дочери, когда та говорит «Я буду», «Я

добьюсь», «Я знаю, что такое счастье». Гордость или гордыня? Или тревожные звоночки – предупреждение о родственной близости к неоднозначному характеру тети Алины?

Маринка начала задавать неприятные вопросы:

– Мама, как ты относишься к богатству?

– Положительно, – поосторожничала Даша, слыша в словах Маринки укор себе. – А почему ты об этом спросила?

– Если б мы были богатыми...

– Тогда что? Были бы счастливее?..

В детстве Даша не задумывалась о счастье, просто была счастливой, просто любила мать и отца. Тимофей вроде бы тоже. Он потом часто вспоминал, как однажды отец протянул через комнату леску с бумажными птичками: дернешь за ниточку, и птички махали крылышками – летели... Даша, между прочим, тогда и подумала впервые: вырасту, нарожаю детей и смастерю им таких птичек.

Черкашины стараются удержать детское счастье на любви и уважении по старинке, но, видимо, без «бонуса» нынче этого все же мало. Тут бы к самим себе уважение сохранить. Маринка говорит, что Владик хвастает перед ребятами дворцами, построенными по папиным проектам, и Даша вздыхает: выходит, ее-то профессиональные способности помахали крылышками и, не востребованные, улетели.

Никитку интересовало, хотел ли раньше папа стать, как он, трубочистом. Папа Кирилл сказал, что мечтал быть пиратом, а когда постареет – Дедом Морозом. К Новому году он

оклеил старый почтовый ящик пестрой бумагой, приладил к нему ремешок, чтобы носить на шее, и ручку от сломанной швейной машинки – получилась шарманка. На домашнюю елку явился Дед Мороз! Дети водили с ним хоровод, бросали по очереди в щель «шарманки» доллары, и гость пел веселые частушки про каждого, включая кота Огонька. При всех усилиях поменять голос, папу в костюме Деда Мороза узнала даже Сонечка и слегка опечалилась, что он уже постарел. Напечатанные на ксероксе доллары она потом собрала и подарила соседям: «Тетя Фаида, дядя Наиль, возьмите, позалуста, деньги себе на подалки, мой папа мосенник, это он деньги сделал!»

Кирилл был смущен, но выяснилось, что дочь вовсе не собиралась изобличить в нем фальшивомонетчика, а просто вместо «волшебник» произнесла «мошенник».

Скоро 8 Марта, и Даша переживает за мужа: трудно ему будет с Владиком придумать без денег целых три подарка. Скрепя сердце отдала она сыну на праздничные сборы в классе деньги из тех, что отложила на садик. Кирилл предложил сэкономить: пока он на больничном, дети могут посидеть с ним.

Владик тоже рад бы посидеть с отцом дома из-за деления в школе ребят на умников, середняков и слабых. Отношение педагогов к ученикам стало соответствовать этой сортировке, дети обзывают друг друга «ботанами», «серостью» и «де-рибасами». Владик вообще вне классификации, дневник у

него – отражение интереса к темам.

Родительский комитет возмутило внедрение среди школьников неравноправия – а толку? На собрании было сказано: «Нанимайте своим двоечникам репетиторов».

Кирилл считает, что вера в справедливость слепа, а гордыня предпочтительнее чувства неполноценности. Даша, вероятно, во многом заблуждается, но ей хочется, чтобы, несмотря на знание о несправедливости в мире, дети не потеряли к миру доверие.

Школьное напряжение снимают с Владика летние каникулы. Он наслаждается общением с отцом, яркими днями возраста со всей полнотой мальчишеских радостей и неудач. На зорьке старшие спешат с папой на речку рыбачить. Костя с Никиткой пока еще ближе к матери.

Прошлым летом дачу облюбовали мыши, и Костя по утрам находил в своей постели подарок Огонька. Рыжего разбойника любят все Черкашины, и он всех любит, но Костю почему-то особенно. Огонек приносил задавленную мышь на подушку лучшему, по его, кошачьему, мнению, человеку. Даша приходила в тихий ужас, Кирилл смеялся, а Сонечку одолевали ревность и частнособственнический инстинкт. От расстройства дочка путала слова: «Почему мой кот не кладет мне подуску на мыску?!»

На даче время умножено солнцем, там Даша чаще шьет одежды Сонечкиным куклам и записывает Никиткины песни.

Никитка шустрый, вскакивает чуть свет и, пока остальные досматривают сны, тихонько ноет в кухне: «Скучно... Неинтересно... Никто не спрашивает, зачем я такой грустный...»

Он всегда жаждет быть услышанным. Рожица у Никитки лукавая, ростом он меньше Кости почти на голову – тормозит медлительного брата, тянет босиком во двор. Болтает без умолку: маленькие тайны, открытия, впечатления сыплются как горох из дырявого мешка. Прислушаешься: а горох-то – драгоценный! Успевай снимать на телефон. За ночь в Никитке вызревают новые сказки и песни, удивительно складные, хотя сам он еще не умеет читать и не знает нот.

Чумазые, загорелые, прибегают мальчишки с речки в обед. Никитка хватает горячие пирожки с противня, кусает на ходу, подпрыгивая и обжигаясь, Костя подставляет подол майки: «Мам, дай пирожков для папы с Владиком!» И снова вперед – изучать жизнь обитателей луга и рощи, купаться, барахтаться на берегу: куча-мала в речке, куча-мала на песке! Допоздна во дворе игры, смех, крик, хохот Кирилла, скороговорки Никитки...

В мальчишке рано проснулся дар то ли скомороха, то ли мелестреля, а поразительная память, кажется, родилась вместе с ним. Едва прибыв из роддома, он уставился на настольную лампу и так долго, осмысленно ее разглядывал, что встревожил родителей. Через три года кроватку Никиты заняла Сонечка, и он вспомнил: «Когда меня сюда в первый раз положили, горел круглый свет. Потом пришли люди, стало

немножко темно, но я все-таки увидел лицо хорошего человека. Я сразу понял: это ты, папа!»

Никитка публичен, гостеприимно открыт и говорит всем своим видом: смотрите, какой я славный! С веселой улыбкой, рубаха-парень – нравлюсь я вам?

Костя обычно стоит рядом, как нянька, и наблюдает. Глаза следят за рассеянным Никиткой: не поранит ли ладонь о спинку стула, взмахивая рукой слишком резко? Внимательный Костя отодвигает стул. Даша мягко урезонивает «артиста» и силится (с редким успехом) разговорить Костю, в чьей молчаливой душе брату отведено больше места, чем ему самому.

– Никитка уже не писает в кровать, – сообщает Костя с застенчивой гордостью.

Ох, этот энурез! Главный ночной враг Даши в случае с младшим сыном, кроме других врагов, частных и общих – гриппов, ангин, аллергий, не считая синяков и ссадин. А ведь действительно несколько дней не писает...

Летом перед сном Костя водил малыша за руку в уличный туалет. Никита, спотыкаясь, шагал с зажмуренными глазами. Выяснилось, что боялся бабайку, о котором рассказали дети на деревенском пляже.

– Бабаек давно нет, – успокаивал братишку Владик.

– А куда они делись?

– Наверное, динозавры прогнали...

Динозавров Никитка любит, в мультиках они совсем не

страшные. Наутро у него была готова сказка:

– Однажды жили динозавры. И вдруг они родили динозаврика и остальных родили. Этот динозаврик вылез из гнезда, открыл двери в джунгли и пошел гулять поздно вечером. Он не боялся бабаек, его папа давно прогнал бабаек и всех плохих. Динозаврик убежал из дома и знал, что все равно станет большим! Папа подсчитал динозавриков и видит: одного нет. Тогда папа рассердился и сказал: «Вы мне достаточно испортили настроение!» Но он был джентльменом, поэтому пошел искать сына. Листья храпели, а все думали, что они шелестят. В небе танцевала луна, и звезды кружились, как будто их завели ключиком. Динозаврик сказал: «Какая красивая ночь!», лег и уснул. Джунгли вместе с ним захрапели, и даже цветы. А потом настал день красивый, проснулось пестрое солнце. Папа нашел динозаврика, и все в мире стало совсем хорошо!

Слушатели хлопали в ладоши, Никитка кланялся и ликовал. Костя, все еще в восторге, стоял с полуоткрытым ртом. Вечный страж, вечный зритель... Костин сознательный отход на второй план – одна из печалей Даши.

Сонечка по младости лет пытается подражать манерам старших. Примеривается к повадкам серьезного Кости, к замашкам человека-праздника Никитки, вертится возле Владика. Но кумир у нее, безусловно, Марина. Сонечка потешно и точно копирует ее походку и выражение лица – образ, созданный сестрой для себя: я красивая, умная и приверед-

ливая. Потому привередливая, что много требую и от своей персоны!

...Даша думала обо всем этом, чистя картошку для ужина. В кухню пришкандыбал на костылях Кирилл. Рассказал о домашних событиях дня, и Даша ему – о сегодняшнем походе. Муж молчит. Знает, что Даша не жалуется на начальников, а без затей констатирует факт их фарисейства, однако в глазах Кирилла вспыхивают виновато-сердитые искры: говорил тебе, упрямица, не гони лошадей, не всю же оставшуюся жизнь мне валяться на диване...

Один за другим Черкашины собираются в кухне – соскучились по маме. Владик одолжил у соседа старую гитару и, дребезжа струнами, прилежно напевает:

– Во по-ле бе-рез-ка стоя-ла...

Наиль, взрослый сын тети Фаиды, музицирует вечерами в ресторане и получает, по его словам, неплохо. Вручил мальчишке самоучитель – попробуй.

Со слухом у Владика неважно, огорчилась Даша. Никитка не выдержал и пропел чисто-чисто:

– Во поле березка стояла!

Отдать бы мальчика в музыкальную школу... Жаль, что школа платная.

Владик оскорбленно сопит, оставил инструмент:

– Я все равно научусь играть, а в ресторане не буду.

– Будешь сидеть там с гитарой просто так? – удивился Никитка. – А зачем?

Маринка засмеялась:

– Люди станут платить ему за то, чтобы он не играл!

– И тебе – чтоб ты не ехидничала, – огрызнулся Владик и дернул братишку за подол свитера: – Ну-ка, не трогай грязными руками чужую вещь!

Не обижаясь, Никитка показал Владику ладони:

– Видишь, чистые! Я только одну струнку погладил, – и солнечный мальчик первым уселся за стол. Расправился со своей порцией быстрее всех, в знак благодарности чмокнул Дашу в запястье, еще дожевывая, и ускакал. Она остановила рванувшего за ним Костю:

– Доешь пюре.

Все подозрительно спешили. Маринка мгновенно мыла тарелки, как только они освобождались. Еле дождалась мамину посуду – Даша-то никуда не торопилась. Сонечка принесла ей журналы:

– Мамочка, побудь, позалуста, немноско на кухне! Журналы почитай, ладно?

Лицо взволнованное и заговорщицкое – ясно, секретничают насчет подарка. Никитка примчался налить воды в пузырек с засохшим клеем... Ну что ж, и мама проведет время с пользой – расставит по полкам остатки продуктов из полупустых коробок.

Под осень кризис в стране заставил Черкашиных запастись продовольствием, и к перечню умений многорукого Шивы добавился грузицкий навык. Кирилл ругался: мы бы

с Владиком набрали потом, в выходные! Здоровья не жалко, или ты это нарочно – меня позлить?!

Ничего не нарочно. Во-первых, цены взлетали ежедневно, а Даша лучше разбиралась, где, что и почему в оптовых магазинах. Во-вторых, сдав на права, сама водила «Суксид» и домой возвращалась раньше мужа. А в-третьих, она тогда еще безмятежно работала в библиотеке и не была беременной.

Чертов кризис, как призрак коммунизма, бродит не только по Европе и Азии, но и по благополучным Штатам. Даша выкладывала бутылки растительного масла за холодильник и думала: затаривает ли братец Тимофей квартиру продуктами? Алина ест как пташка, а у Тимы все-таки семья. И поесть он любит. Раньше мог умять за раз три тарелки пельменей. Наверняка научил их лепить жену-испанку. На праздничном столе Черкашиных пельмени тоже традиционно главное блюдо.

Даша высыпала из кошелька на стол бумажные деньги и мелочь: да-а... жидковато. Разложила привычными стопочками: на бензин, хлеб, молоко, отдельно – на возможный расход. Этот незапланированный расход называется «всякий случай» и на проверку всегда оказывается чем-нибудь самым необходимым. Надо быть просто волшебником, чтоб изловчиться выкроить из этих горсток сумму, равную двум кило фарша. Проверенный для пельменей объем на весь праздничный день – отсутствием аппетита в дражайшем Дашином семействе никто не страдает.

Как бы ни хотелось опять кланяться в долг у соседки – очевидно, придется. Фаида человек понятливый, денег, конечно, даст, но жутко неловко, ведь Кирилл явно намеревается просить о том же Наилия. Причем по-крупному...

Даша догадалась, о чем муж шептался с Маринкой, и досадовала на нее. Они говорили о платье – о нарядном праздничном платье, которое продается в ближнем магазине одежды. Чудесное платье стоит столько же, сколько работнице молокозавода выдавалось аванса за полмесяца фасовки творожных брикетов.

Как-то после зимних каникул Даша с дочерью зашли в этот магазин купить белую блузку. Прошлогодние стали Маринке малы, девочка почти уже догнала мать в росте. Начала пользоваться ее духами: «Можно, мам? Я капельку». Встанет на цыпочки и плывет, на глазах превращаясь из гадкого утенка в лебедь...

Ну так вот. Платье.

Маринка прямо-таки застыла перед шеренгой с вечерними нарядами, где в авангарде на плечиках с бюстом красовалось платье в стиле «туника». Глубокого чайного цвета, с тонко вышитой, чуть светлее, вставкой на лифе и вырезом на груди ниже Дашиного обычного – Кирилл бы не одобрил...

– Мама, примерь!

Даша без слов кивнула на ценник.

– Мамочка, ну пожалуйста, за примерку же денег не берут! – дочь сложила ладони в умоляющем жесте.

Платье не показалось Даше столь уж элегантным, но, взглянув на себя в зеркало в кабинке, ахнула: вот у Маринки глаз-алмаз! Платье совпало с Дашей, будто заказывали, по длине и цветовой гамме, и благородный фасон мягко скрывал «положение». Вырез в начале полукружий был одновременно сдержанным и соблазнительным, с иллюзией большей открытости за счет вставки, с плавным переходом от ненавязчиво «смуглеющего» оттенка к основному. Легко и ласково облегла Дашу приятная на ощупь ткань.

– Ты такая красивая! – выдохнула в восхищении Маринка. – Мамочка, давай купим? Займи денег у тети Фаиды и купим, а?!

– Когда-нибудь потом, – Даша не без сожаления повесила платье обратно на плечики и благополучно о нем забыла. Изумительное, бесспорно – но куда его носить? Черкашины давно перестали посещать театральные премьеры и корпоративные вечеринки.

...А Маринка не забыла. Время от времени наведывалась в магазин проверить, не исчезло ли «мамино» платье. Однажды завернула туда с малышами – показать: Никитка проболтался.

Ни к чему неподъемные траты, волновалась Даша, хоть бы Кирилл внял голосу благоразумия...

Вынув шпильки из узла прически, она мотнула головой, и туго крученные пряди упали на плечи. Как хорошо! Затылок радуется свободе – шутка ли, ниже бедер опускаются тяже-

лые волосы. Даша рада бы срезать, но то Алина не позволяла, теперь Кирилл...

А вот и он – встал с костылем в дверях, прикрыл глаза ладонью, делая вид, что ослеплен. Притормозил любопытствующую толпу:

– Золотая у нас мама!

Буквальность расхожей фразы понятна даже Сонечке: волны цвета темного золота струятся с маминых плеч на грудь и вниз – грузно, густо, как пролитый мед.

Поздним вечером к Кириллу зашел сосед.

– В ресторан сходим, – пошутил муж, смешно подскочив к Даше на одной ноге. – Ты спи, не жди меня, не скоро приду.

Наверное, собрались посмотреть какой-нибудь новый боевик с Наилем.

Ох, наконец-то ночь! Роскошь Дашиного отдыха, провал в мягкое беззвездное небо без грез и мыслей. Тому, кто знает сытые дневные сны, не понять.

Но только прикорнула, как ухо овеяло теплом детского дыхания:

– Ма-ам...

– Что, динозаврик?

– Мне страшно...

– Чего ты боишься?

– Чупакабру.

– Что за чепуха!

– Не чепуха, а чупакабра, Андрюша сказал. Он всем в саду

сказал, что чупакабры залезают в дом через щели и щекочут пятки, если высунешь из одеяла.

– Такой большой, а боишься каких-то несуществующих чупакабр. – Даша сонно подумала: чупакабра – это он или она и кто это вообще?

– Мам, я трус? – вздохнул Никитка.

– Не трус. Я в детстве тоже боялась всяких бабаек.

– Правда?! – мальчик потрясен.

– Правда. А теперь ничего не боюсь.

По коридору зашлепали еще чьи-то босые ножки.

– Мам, я тебя люблю, – шепнул Никитка, придвигаясь ближе.

Костя, потерявший и нашедший братишку, молча притулился с краю. Обнял его, робкими пальцами коснулся маминной щеки.

– Минута – и марш спать, неженки, – проворчала Даша.

Утром она и не вспомнила, когда мальчишки ушли к себе. Будто не было ночи, – вильнула хвостом, оставив яблочко сладкий огрызок дремы, и сгинула. За окном медленно рассеивался серый сумрак, перечеркнутый голой березовой веткой в стеклянных серьгах сосулеч.

– Поднимите мне ве-е-еки, – сипло со сна пропел за спиной Кирилл, а в мальчишеской комнате уже раздается звонкий голос Никитки.

Даша нашарила на столике телефон, накинула халат и побрела записывать новую песню сына.

Беззвучно шевеля губами, весь внимание и восторг, Костя, как всегда, стоял рядом с братом, и Даша, как всегда, расстроилась – откуда такое самоуничтожение? И Никиткина песенка была почему-то грустной:

Я летал на крылатом коне
и видел весь мир.
Небо склонялось к нам ниже,
а мы к нему приближались,
мы видели сверху ветер,
деревья и рыбаков.
Мы летели все дальше,
за очень большие горы,
но вдруг повернули обратно,
и вот я уже на земле,
а конь улетел.
Навсегда.

...Завтрак, легкая уборка – и, незаметно одевшись, Даша выскользнула из дома. Если не найдет работу, по крайней мере купит фарш, пока деньги еще не сказали «гуд-бай».

По обочинам дорог скопилась темная снежная каша. Ошметки грязи летели из-под колес машин, заставляя прохожих жаться к другой стороне тротуаров подальше от брызг. Несло оттаявшей помойкой и мартовскими котами. Витрины цветочных киосков расцвели яркими красками. Над деревьями парила младенческая дымка весны, но

настроение Даши не было ни весенним, ни праздничным.

Она вспомнила, как Кирилл посмеивался над забавным словом «пендельтюр» из Строительного словаря, означающим дверь, которая открывается в обе стороны. Даша теперь почти не сомневалась, из какого действия оно произошло. Все тот же двуликий Янус ждал ее в организациях входов и выходов. Уклончивые отказы – потаенные пендели, вальяжные ухмылки: «Киндер-сюрприз?» – и вычеркнутые надежды в убывающем списке. Самое противное – искательные нотки Кисы Воробьянинова, неожиданно уловленные в собственном голосе. Все это неотвратно приближало Дашу к тихой истерике. Приливы нервного смеха подстрекали сфиглярствовать с порога: «Мсье, жё не манж па сис жюр...» Поэтому в следующую приемную – директора картинной галереи – Даша зашла с непроницаемым лицом. Отдав долг приветствию, сообщила:

– Я беременна и многодетна, но мне необходима работа. Я по объявлению.

Дерзкое откровение претендентки на должность технички повергло мужчину в шок встречной искренности, и он по инерции не соврал:

– Беременные и многодетные нам не нужны.

– Вы знаете, что вы сволочь? – вежливо сказала Даша, нечеловеческим усилием сдерживая порыв плюнуть ему в лицо.

Начальник словно почувствовал – откинулся на спинку

кресла, хотя сидел достаточно далеко... И захохотал.

Даша опустилась на не предложенный ей стул. Сил осталось ровно столько, чтобы подавить kloкочущее у горла рыдание.

– Хорошо, – придушенно кашлянул мужчина, вытирая платком глаза. Его потряхивало от спазмов смеха. – Хорошо! Я, разумеется, порядочная сволочь, но, пожалуй, возьму вас на работу... правда, махать тряпкой вам будет тяжело... А гардеробщицей согласны? Разница в зарплате небольшая.

– Да, конечно, – пробормотала Даша.

– Ну вот и прекрасно, – директор ободряюще кивнул. – Идите оформляйтесь.

– Спасибо.

Он спохватился:

– С праздником вас!

Даша мысленно возблагодарила девушку из Центра занятости и предыдущий список пендельтюров. А также Януса и Кису, тайными тропами судьбы (случая?) приведших-таки ее не в какое-нибудь беспорядочное заведение, а в спокойную, возвышенную обитель искусства. Сюда она выйдет после праздника на работу с законным правом получить через полтора месяца декретные.

Взглянув на часы, Даша тронулась в школу – как раз заканчивались уроки.

– Мам, ты будешь работать в музее?! – вскричал Владик, еще мчась по школьной дорожке. – Ура-а-а!

Даша с улыбкой повернулась к дочери:

– Успела сказать?

– Ага, по телефону. Что, нельзя?

– Папе пока не говорите.

Падая на заднее сиденье, Владик выдохнул:

– Там живопись?

– И графика.

– Круто!

– Сядь смирно, – скомандовала Маринка, – пристегнись.

Сейчас заедем на базар.

– Подождете в машине, хорошо? Я недолго, – Даша притормозила на удобной стоянке, где как по волшебству освободилось место. Везучий день.

Цена приглянувшегося на крестьянском рынке говяжьего фарша была не высокой, а просто возмутительно высокой.

Торговка в нечистом белом халате с вопросительным интересом приподняла бровь в сторону вероятной покупательницы. Мощную шею тетки охватывал выбившийся из-под халата край сине-зеленого, как павлиньи перья, шарфа.

– Свеженький, только что накрутили, – елеино прорекламовала она.

Скроив простецкую мину, Даша разглядывала полоску переливчатой ткани.

– Скажите, пожалуйста, где вы брали такой симпатичный шарф?

– Скажу, – польщенная продавщица доверительно пони-

зила голос. – Знаете центр «Адмирал»? На третьем этаже справа от лестницы в «Адмирале» киоск небольшой, вот там продается. Поторопитесь, а то расхватают к празднику. Это палантин вообще-то.

– Палантин!.. – Даша издала легкий стон восхищения. – Прямо глаз отвести невозможно, и как раз бы мне живот на корпоративе прикрыл! Хотела фарш купить на пельмени, мужа побаловать... он у меня домашние любит... но, боюсь, тогда денег на палантин не хватит. Мясо-то везде продается, а такую красоту просто обидно проворонить!

– Да не больно-то он дорогой, – задумалась продавщица. – А сколько вам фарша надо?

– Два кило.

– Два кило?.. Хороший аппетит у вашего мужа.

– Ой, не говорите, – осуждающе закачала головой Даша. – Слопает полную миску пельменей – и, представляете, добавки просит. Ну, работа у него тяжелая...

Продавщица вздохнула:

– Мой такой же. Ладно, скину вам цену в честь нашего праздника, и бегите скорей в «Адмирал»...

Два килограмма отличного фарша Даша купила за деньги даже меньшие, чем в магазине. Шагала, удивляясь себе, вспышке нечаянного на волне удачи актерского вдохновения. Каялась в непредумышленном жульничестве и смеялась. Воистину недалек волшебник от мошенника... дай бог счастья доброй женщине!

Прикинула по курсу, сколько долларов и центов сейчас потратила. Может ли Тима в своей Америке взять на рынке хотя бы один кг экологически чистой говядины на эту сумму? С внезапной нежностью к Алине подумала, что сестра любит ее, младшую, со всеми детьми и проблемами. Любит такую, какая она есть. Впрочем, разве родные люди любят за что-то?

...Навстречу шла Маринка, и по ее сжатым плечам, по горестному лицу Даша сразу сообразила: случилась беда.

– Мама, ты только не волнуйся, – сказала дочь деревянным голосом: – Папа звонил... Мальчики пропали.

– Как это – пропали?!

– Отпросились на улицу поиграть, папа посматривал на них в окно. И вдруг они исчезли.

– Когда?

– Недавно, всего час назад... или два...

Чувствуя, как земля уходит из-под ног, Даша машинально набрала номер Кирилла:

– Почему ты не позвонил мне?

– Я позвонил в полицию.

– И что?

– Их найдут.

– А если...

– Их обязательно найдут, Даша! Езжай домой. Тихо езжай, не торопись...

Стало трудно дышать: какой-то звериный, животный ужас

перехватил горло. Проклиная свою склонность к преувеличению опасности, когда это касалось детей, Даша прислонилась к грязной машине. Закрыла глаза. Замелькали страшные видения. Ослабшая до неспособности шевельнуться, она полулежала на капоте и, несмотря на грохот в висках, с абсолютной ясностью слышала все, что происходит извне и внутри. Слышала многоязыкий говор, людское коловращение и шарканье сотен ног, а в ней ворочался, сердито пинаясь, ребенок. Ему недоставало дыхания.

Даша всей грудью вдохнула резкий воздух. Нельзя поддаваться панике, она у себя не одна.

– Мама! – почудился тонкий голос далеко-далеко, и сердце затрепыхалось в тисках кричащей боли. Ну вот, не хватало галлюцинаций в ошпаренном страхом мозгу...

Но нет, это была не галлюцинация. Обостренный надеждой слух превратился в устремившиеся во все стороны бумеранги. Даша теперь почти не сомневалась, Никиткин голос продолжал звать к ней: «Мама, мама!»

Протянув руки, как слепая, она пошла на зов сына.

Толпа у лестницы, колышась, меняясь, всходя и топчась на месте, слушала песню. Даша еле протиснулась в толпу спиной вперед, чтобы защитить живот, и повернулась.

«Имеющий глаза да вылупит», – говорит лысый телевизионный Дима в черных очках. Не веря собственным глазам и ушам, Даша уставилась на привычное зрелище, неуместное здесь, как изысканный палантин над испачканным говяжьей

кровью халатом.

Никитка пел, по обыкновению взмахивая руками. Пушистые варежки на резинках, пришитых к обшлагам куртки, синими птахами летали вокруг. Костя с невозмутимым лицом стоял в шаге от Никитки с новогодней «шарманкой» на шее и крутил ручку от швейной машинки. Зрители бросали горсти денег в открытую щель. Монеты звякали глухо – ящичек был полон не только копеечной мелочью. Вместо картинки с Дедом Морозом на нем желтело солнце и цвели ромашки, нарисованные не очень умелой Костиной рукой. А поперек старательно было выведено большими красными буквами: «На падарк маме».

Тихо охнув, Даша спряталась за чью-то спину. Прижала ладонь к животу: угомонись, маленький, слышишь – брат твой поет...

– Я плыву по морю,

– пел Никитка.

Я плыву по морю,
чтобы попасть на свою родину,
где мой дом, где моя семья.
В доме живет моя мама.
Она меня ждет,
она стряпает пирожки.

Я плыву по морю,
а в нем ползают крабы,
и плавают злые акулы,
и живет там король
с хвостом как у рыбы.
А я все плыву по морю,
я плыву туда,
где моя семья, где мой дом.
Мама, мама! Я люблю тебя,
я привезу тебе подарок —
красивое платье,
я скоро к тебе вернусь!

– Мама, – прошептала в ухо вынырнувшая из толпы Маринка, – я позвонила папе, все хорошо.

Даша с трудом выдавила:

– Марина, прекрати, пожалуйста, этот концерт.

Глаза у дочери страдальческие, на щеках покраснелись пятна нервного румянца:

– Да, люди на телефоны снимают, выложат в Интернет, вот будет позорище...

– Не напугай мальчиков, – опомнилась Даша. – Ни о каком позорище чтобы речи не было. И ни в коем случае не говори, что я их видела. Привезешь на автобусе.

– Давай лучше я, – высунулся из-под локтя Владик, – а то Маринка разревется и все испортит.

– С чего это я разревусь?

– Ты уже ревешь – вон щеки мокрые.

– Это от стыда, дурак!

– Сама такая... А давай вместе на автобусе? Только пусть мама сначала уедет домой, а я схожу в туалет.

– Иди в свой туалет и езжай домой с мамой. Я сама малышкой отвезу.

Даша побрела к машине.

Она шла и плакала, и ей становилось легче. Со слезами из нее вытекали страх и боль. Потом Даша плакала, сидя в «Суксиде». Безымянный мальчик все еще дрыгался в животе.

Даша припудрила нос и подкрасила губы: ну все, все, успокоились. Твои братья нашлись, а скоро в мире появишься ты и увидишь свою семью... свой дом, где живет твоя мама и стряпает пирожки.

– Поехали, мам! – возбужденным шепотом закричал прибежавший Владик. – Они тоже поехали! Я проводил их на остановку, они меня даже не заметили! Маринка мне за остановкой сказала – это Костя все придумал и сам написал!

– Да уж понятно, что сам...

– Они просто не знали, что папа заработал деньги в ресторане.

– В каком ресторане? – опешила Даша. – Когда?!

Мальчик замер с непристегнутым ремнем безопасности в руке.

– Владик, – ласково сказала она, – я тебе обещаю: папа ни-

чего не узнает до тех пор, пока все всем не станет известно.

– Я думал, что ты... что тебе... – забормотал сын. – Я думал, ты знаешь...

– Очень хочу узнать.

– Ну... в общем, папа вчера пел в ресторане, где играет дядя Наиль. Папа же хорошо поет, почти как Никитка... Там какая-то большая организация Восьмое марта справляла. Они договорились, и дядя Наиль повез папу. Ему на сцене специально стул поставили, чтоб он без костылей пел. Папа много денег заработал, даже больше, чем дядя Наиль...

– Владик, поправь, пожалуйста, пакет, из него сейчас фарш выпадет, – попросила Даша, заводя машину.

– Мы сегодня будем делать пельмени?!

– Завтра. А послезавтра как следует уберемся дома, ведь через два дня уже праздник.

– Я Маринке и Сонечке кое-что интересное на 8 Марта придумал, – не вытерпел Владик. – И тебе... Но пока не скажу, ладно?

– Ладно, – засмеялась Даша, и Черкашины поехали домой.

Повторите, пожалуйста, марш Мендельсона

Осенью Женька, двенадцатилетняя внучка Веры Георгиевны, нашла на улице коричневого щенка неопределенной породы, низенького и ушастого. Семья сына наслаждалась общением с песиком, пока не обнаружилось, что у невестки Марии аллергический ринит от собачьей шерсти. Переселение Тугрика к Вере Георгиевне в другой конец города устроило всех: определили малыша в добрые руки, бабушка теперь не одна, и у внучки появилась причина чаще к ней наведываться.

Честно сказать, поначалу Вера Георгиевна не больно-то радовалась – никогда не держала в доме животных. Но вынужденные ежедневные прогулки хорошо повлияли на суставы ее больных ног, а необходимость захаживать в магазин за ливерной колбасой для питомца приучила хозяйку и себе брать свежие продукты. Скоро ей стало трудно представить, как она могла есть размоченные сухари, лентясь сходить за хлебом, и как вообще жила раньше без собаки.

Перед майскими праздниками Женька пришла с пакетом домашних круассанов с ежевичным вареньем – невестка была стряпуха не чета Вере Георгиевне. Свекровь знала: кулинарными изысками Мария пытается привязать к дому Олега, такого же ловеласа, как его отец. Впрочем, небезуспешно.

За чаем разговорчивая внучка выболтала свои маленькие секреты – бабушка была у нее вроде подружки, которой можно вывалить все, что гнетет и волнует, а она никому и никогда. Пересыпая речь словечками молодежного сленга, рассказала о мальчике, который ее «доставал»:

– Прямо жесть, бабуль, еле-как от него после школы удираю.

– «Кое-как», – поправила Вера Георгиевна. Ее, бывшую учительницу, коробило словотворчество малограмотной эпохи. – Он что, по улице гонится за тобой?

– Не-ет, – замотала головой внучка, – издалека провожает.

– Так это же хорошо.

– А в школе дергает за волосы! Надоел. Следит за мной, совсем как мама за папой... Бабуль, можешь не верить – мама до сих пор в папу влюблена.

– Почему не верю? Верю.

– Ей почти тридцать восемь! Папа, конечно, хороший, его все уважают, но ведь он... – Женька замялась.

– ...дамский угодник, – подсказала Вера Георгиевна.

Внучка захлопала ресницами:

– Откуда знаешь?

– Твой папа все-таки мой сын.

– В Новый год у нас были гости, и папа поцеловал в прихожей тетю Дину. Я нечаянно увидела и чуть с ума не сошла, – призналась Женька. – Еле-как... то есть кое-как успокоилась.

– Паршивец...

– Бабуль, а после сорока лет любовь точно заканчивается?

Полстолетия назад Вера Георгиевна тоже предполагала, что после сорока лет интенсивной любви и жизни человек начинает невыносимо долго и эгоистично умирать. Только Вере Георгиевне, в отличие от Женьки, было тогда девятнадцать. Такое соображение заронили в юной Вере мамыны беседы с подругами. Она поклялась себе, что даже если ей удастся дожить до пенсии, ничто не заставит ее заводить разговоры о проблемах с сердцем, нервами и бесстыдным геморрое. (Заводит! По часу муссируют по телефону с Ириной Алексеевной те же нескромные темы между обсуждением непрофессионализма нынешних учителей.)

Вера Георгиевна принялась потихоньку убирать со стола:

– У мамы про любовь спроси.

– Ой, ее спросишь! Бабуль, а дедушка тоже был дамским угодником?

– Дедушка был большим ученым, – веско сказала Вера Георгиевна и, подумав, добавила: – Талантливым людям можно простить слабости характера.

– Измена – слабость характера? – фыркнула Женька. – Да ладно, бабуль!

Измена?.. Вера Георгиевна растерялась. Неужели так серьезно? То-то Олежка глаз не кажет.

– Женя, один поцелуй еще не называется изменой. Папа, наверное, чуть переборщил с вином.

– Он больше не любит маму.

Глаза у девочки цвета маренго, внимательные и блестящие. Вот в ком выстрелил броский колер деда. Вере Георгиевне стало не по себе: показалось, что на мгновение сквозь Женьку проглянул Максим.

Внучка поиграла с Тугриком и ушла, оставив тревожный осадок в душе. Пробежала по двору, завернула за угол к остановке и махнула рукой. Сидя у окна, бабушка тоже помахала ладонью – это был их с Женькой ритуал.

Вера Георгиевна не причисляла себя к бабкам-обожательницам, чьи внуки самые-самые, свет не видывал более гениальных внуков, но думала о Женьке с гордостью. Слава богу, девчонка любит действовать самостоятельно, не собьешь с панталыку вариантами подсказок, как в ЕГЭ, и репетиторов ей не нанимают. Сама записалась в театральную студию, сама и ездит туда со второго класса. Мозги крепкие, другая бы из-за разлада в семье нос повесила, а Женька сделала выводы и не раскисает. Вот Мария, должно быть, замучилась оправдывать перед собой Олега во всех его неблагоприятных поступках...

Невестка досталась Вере Георгиевне сродни ей. словно в мужском роду Дудинцевых на протяжении нескольких поколений развился нюх на терпеливых неудачниц, и брали Дудинцевы в жены исключительно таких.

Сегодняшний выразительный Женькин взгляд напомнил того Максима, с которым Вера познакомилась на вечеринке

коллеги Ирины.

Девушки работали в одной школе, Вера Георгиевна преподавала русский язык и литературу, Ирина Алексеевна – физику и математику. В то время все их подруги, как заведенные, выскакивали замуж и рожали, или в обратном порядке и не по разу, а они все ходили свободными и отшучивались: «Принцев ждем».

Вере исполнилось двадцать шесть, Ирина собиралась справить тридцатый день рождения. Но матримониальных возможностей у первой было больше не только из-за разницы в возрасте. Прозрачные серые глаза, смуглый румянец и платиновые волосы Веры опасно притягивали взоры пап ее учеников. Бледная Ирина рядом с ней, со своим куцым гороховым хвостиком на затылке, становилась малозаметной, как полуденная тень.

Мало кто из приглашенных на вечеринку знал, что старая дева празднует свой юбилей. Непосвященных гостей приятно удивил богато накрытый стол в зале трехкомнатной квартиры. Пожилые родители Ирины дружно наготовили уйму еды и до осени убрались на дачу. Так они делали третий год в надежде через энный срок отправить единственную дочь в роддом хотя бы без шансов на замужество.

Молодого ученого Максима Дудинцева Ирина случайно подцепила то ли на какой-то конференции, то ли в библиотеке. Он явился не один, с сослуживцем. Сослуживец был по-своему симпатичным, но выглядел на эффектном фо-

не старшего товарища адъютантом его превосходительства. Подтолкнутый Максимом вперед, он покраснел и скромно представился:

– Андрей.

Скромность проистекала из того, что Андрей Порядин был младшим научным сотрудником в НИИ, где Дудинцев руководил отделом.

– Физик, лирик и бабник, – в такой последовательности весело отрекомендовал себя Максим и только после назвал имя. (Поэтом, между прочим, оказался слабеньким даже для физика, вот бабником...)

Ирина посмотрела на него, на Веру и визуально отдалилась в такую тень, откуда извлечь ее, очевидно, сумело бы дневное солнце, а рассеянный люстрой электрический свет не мог при всем желании. Вера и Дудинцев сияли вне всякого соперничества, прекрасно сознавая свою среди других избранность. Поэтому то, что м.н.с. Порядин сразу на Веру запал (дурацкое, кстати, словечко из ее молодости), почудилось ей досадным вокруг нее комариным жужжанием. Максим же возвышался над танцующей толпой почти на голову, и эта голова была великолепна. Снизу вверх толпа любовалась художественной бородкой, переходящей в изящные скобочки усов под крыльями орлиного носа, яркие глаза метали на девушек огненные стрелы, как в одном из сентиментальных романов. Правда, телосложение будущего светила науки несколько разочаровало Веру: мужественный силуэт неожи-

данно завершился кривоватыми ногами. Нервные, гибкие пальцы тоже не очень складно сочетались с мощностью мускулистых рук. Такие пальцы называют музыкальными; такими, подумалось с уколом невнятного страха, душить легко... Словом, широкоплечий Максим напоминал бы невероятно рослого, чертовски обаятельного неандертальца, если б не лицо отборной мужской модели Homo sapiens... А может, Mephistopheles, о чем Вера подумала позже. Гораздо позже.

В танце фигура Максима преображалась, вкрадчивые скользящие движения делали ее почти грациозной. От него исходили горячие волны, ароматизированные дорогим лосьоном. В танго с Дудинцевым Вера с изумлением почувствовала, что невольно откликается на его эротические позывы. Опытные руки обнимали и ощупывали ее легко, осторожно, как тонкостенный, еще не обожженный в печи кувшин.

За столом Максим поднял рюмку со словами:

– Все то же солнце ходит надо мной, но и оно не блещет новизной!

Ирина радостно захлопала в ладоши, будто в жизни не слышала этого шекспировского сонета.

– «Изобрести» что-то свежее в поэзии после классиков невозможно, как и в изобразительном искусстве и в музыке, – прервал Максим ее рукоплескания. – Нашу жизнь ведет к новым знаниям только наука, чему мы получаем ежедневное подтверждение на грамм, на секунду, на метр – все с при-

ставкой «микро», но невидимый масштаб работы неуклонно поднимает человечество «через тернии к звездам». Выпьем же за науку, взрывающую темноту нашего невежества!

Вера нашла тост пафосным. Позже Ирина сообщила, что Дудинцев – один из соавторов изобретения секретного прибора, изучающего вариации солнечного излучения. Прибор был принят к участию в международном проекте, его собирались запустить в космос на искусственном спутнике с запуском публикации об этом в открытой печати.

Любую тему затронь – Максим оказывался сведущим в ней больше остальных. Изъяснялся со снисходительным юмором, но без самодовольства, просто как старший. Старше даже Ирины на целых пять лет. Она восторженно внимала каждому его слову и, улучив паузу, шепнула Вере на ухо: – Так многослойно и вкусно, правда?

Вера не сразу сообразила, что Ирина говорит о Дудинцеве, а не о селедке под шубой.

После чая, вернее вина с пирожными, удалось незаметно прошмыгнуть из прихожей в коридорчик с нужным отсеком. Но рано Вера радовалась: мужчины вслед за ней вышли в прихожую покурить, отворив дверь на лестничную площадку. В шаге от обмершей Веры кто-то возбужденным шепотом болтал о физиологических особенностях неких резиновых кукол.

– Рот у них для того и открыт, – со знанием дела произнес Дудинцев. Его голос Вера уже узнала бы из десятков дру-

гих. – Чего вы ржете? С женщиной это вполне естественный акт.

Она слышала про такое еще в общежитии института и с гадливостью подумала о чудовищной развратности Максима. А еще ученый! Чуть не стошнило.

– Извините, есть тут кто? – раздался стук в дверь.

– Не работает туалет, что ли?

– Свет вроде горит...

Нечаянная затворница задержала дыхание.

– Наглухо забили, – констатировал приятный басок Андрея Порядина.

Щелкнул выключатель, и Вера осталась в темноте. Донесся приглушенный смех. В ванной за стенкой клацнул шпингалет, сильно зашумела пущенная из крана вода. Поленились на улицу сбегать...

Проигрыватель в зале разразился бравурными аккордами, и курильщики потянулись к музыке. Вера наконец вышла из заточения. Народ танцевал и перешучивался: вальс был свадебным. На последней ноте Дудинцев крикнул:

– Повторите, пожалуйста, марш Мендельсона! – и вдруг, подхватив Веру на руки, как ребенка, закружил с нею по танцевальному пятачку.

Хрустальное солнце сверкало над ее головой. Искры вспыхивали в висюльках люстры и глазах Максима. Энергичные частицы в Верином теле неизвестным образом воспламенились и начали генерировать. Когда мягкая ударная

волна приземлила ее на стул, Вера поняла: с Дудинцевым она готова на все. Даже на то, что отдельно способный мужчина делает с резиновой куклой.

Спустя два месяца они расписались.

Его коллеги, ребята сплошь бородатые и озорные, прибыли на торжество в обтягивающих трико телесного цвета, прикрытых кокетливыми фартучками в виде фиговых листков. Шеренга «адамов» шокировала работников загса и патриархальную часть гостей. Об интересной свадьбе проводали в «Вечерке», и физики еле отделались от журналистов.

В театральном смокинге с атласными отворотами Максим выглядел как эсквайр, перенесенный в зал бракосочетания прямиком из лондонского клуба. Удачно сшитые брюки скрывали несовершенство brutальных ног. Андрей Порядин был во фраке, также взятом где-то напрокат, свидетельница Ирина – в белом кримпленовом платье. Друзья посмеивались, что этим двоим не сходя с места следовало бы зарегистрировать будущие отношения ради экономии времени и денег. Но Андрей не понимал шуток или не слышал. Он не сводил глаз с новобрачной, чем немало ее раздражал.

Мать после со значением сказала о нем Вере:

– Хороший мальчик, видно по лицу. – А по лицу матери было видно, как сильно ей хочется добавить «Не то что...» и фамилию зятя, с первого дня знакомства ставшую олицетворением надменности и самолюбования.

– Что ты, мама, – удивилась Вера, – Порядин пока даже

кандидатскую не защитил!

Результаты измерительных приборов в лаборатории Максима казались ей тогда чуть ли не потаенным контактом с внеземными цивилизациями, а движения в пространстве между космическими телами будоражили не меньше тех, что возникали между нею и Максимом.

– Всякое может случиться, – уклончиво вздохнула мать.

– Только не со мной, – гордо бросила Вера.

Она была уверена в избраннике как в лучшем мужчине, доставшемся ей по праву внешнего соответствия и единства увлечений, которое непременно их ждет. Вера уже любила силу его рук и длинные пальцы, в одну неистовую ночь талантливо овладевшие клавиатурой ее тела, а красивую умную голову полюбила еще в начале Ирининой вечеринки.

Мать ободряюще улыбнулась и больше ничего не сказала.

Первые два года с Максимом действительно убедили Веру в истине затрепанной поговорки «с милым рай и в шалаше». Несколько месяцев Дудинцевы жили в квартире Раисы Павловны, матери Максима. Но свекровь оказалась таким существенным препятствием к ощущению полного счастья, что роль райского шалаша вначале взяла на себя съемная однушка, затем комната в общежитии.

С Верой Раиса Павловна была величественна и холодна, как сфинкс. Не одобряла выбор сына, почему-то считая невестку «безнадежной».

Вера не могла понять, в чем, по мнению свекрови, выра-

жается ее безнадежность, а спросить не осмеливалась. Готовит плохо? Но Максим, вовсе не склонный к гурманству, поглощал распolzшиеся Верины котлеты с тем же аппетитом, что и «правильные» бифштексы матери. Не умеет содержать дом в порядке? Но ведь и сама Раиса Павловна, с утра до ночи занятая переводами с английского какой-то технической документации, не убиралась и не стирала. Все это раз в неделю делала нанятая женщина. Выпивать Вера мужу позволяет? Но в пору совместного житья Раиса Павловна ничего не имела против сборищ Максима с приятелями в кухне. Разве что курить просила в открытую форточку.

Вера ни в чем не отказывала мужу и прощала ему легкие влюбленности. С дружно сколоченной компанией Дудинцевы отмечали праздники и защиты. Ходили на театральные премьеры и на шумевшие фильмы, читали одни и те же книги, каждый любил свою работу. Что еще надо? Ребенка? Вера родила Олежку.

Раиса Павловна вроде бы смягчилась, соизволила явиться в общежитие и подарила чудесную складную коляску, привезенную кем-то по ее заказу из Англии. Через год помогла с последним паевым взносом на кооперативную квартиру...

А новоселья не получилось. У Веры умерла мама.

Теща с зятем представляли собой классический образец родственной неприязни. Вера ездила к матери в поселок всего дважды – во время командировок мужа. И вот дочерний долг превратился в хроническую вину: не сумела проводить

маму в последний путь. Попытки уговорить Раису Павловну присмотреть за ребенком были столь же бессмысленны, как и просить мужа о переводе денег семье старой тетки, чтобы покойницу погребли достойно. Похороны тещи совпали с днями, когда Максим едва ли не ночевал в лаборатории, обеспокоенный регистрацией небывалого выброса на Солнце.

– Горячая плазма в полярных шапках! – кричал он. – Магнитное поле скинуло избыток энергии, понимаешь? Нет, ты понимаешь хоть что-нибудь?!

Исследуя глобальные явления, способные навредить человечеству, Максим, разумеется, не мог отвлекаться на мелочи чьей-то частной жизни... то есть смерти.

Надо сказать, что с рождением сына муж самоустранился от домашних забот, предоставив Вере разбираться с ними единолично. Внешние раздражители воздействовали на его настроение, как протонные вспышки на ранимую структуру магнитосферы. Он стал часто гневаться по пустякам и, утомленный пробами и ошибками монотонной работы, уже не стеснялся обнаруживать свой буйный нрав. Мог из-за плача ребенка выйти из себя, из кабинета, из дома, хлопнув дверью. Олежка рос хилым, растерянная Вера металась от малыша к мужу, стараясь угадать прихоти одного, желания второго, лишь бы не капризничали, не кричали...

К сороковинам в выходные мальчика согласилась забрать к себе Ирина. Вера вырвалась в поселок, справила хорошие

поминки и оплатила скромное надгробие с оградкой. Тетка получила деньги за похороны, что успокоило ее негодование по затратному поводу, но с племянницей не примирило. Раздав мамины вещи старушкам, Вера взяла с собой два запыленных фотоальбома и в воскресенье вечером вернулась домой.

Максим отворил дверь, кивнул без слов, будто она бегала в ближний магазин за хлебом, и удалился в кабинет. Вера посидела в прихожей, не раздеваясь, с гудящими от усталости ногами. Положила сумку с альбомами на столик трюмо и отправилась за сыном.

Олежка уже спал. Ирина усадила Веру за столик в зале перед телевизором:

– Чаю попьем, все равно на такси ехать.

Принялась рассказывать, как хорошо себя мальчик вел, как солнце нарисовал и сказал: «Папино». А в Вере происходила безудержная деформация ее вселенной. Горячая плазма, лава и пепел заполняли ее мысли, полярные умильному щебету Ирины.

В шкафу под стеклом на краю полки блестел распечатанный флакон черного стекла. Духи «Только ты». Вера помнила их аромат в коробочке, обитой изнутри белым шелком, – смесь цветочной пудры с запахом продымленного леденца. Эти духи муж подарил Вере на 8 Марта. Ошибки быть не могло – те самые: длинная капля колпачка и флакон с намеком на стройную женскую фигурку. Позади стояла коробоч-

ка «под парчу» цвета беж. С выпуклыми цветами. Каждый цветок на передней части тонюсенько очерчен красным. Разговаривая после праздника по телефону с мамой, Вера бездумно обводила цветы ручкой с красной пастой. Аккуратная, учительская у Веры рука. Ирина, очевидно, не заметила «нововведения» на рисунке.

«Только ты». Черная капля-слеза. Последний разговор с мамой.

Вера примерно знала, какие женщины нравятся Максиму, и всегда считала Ирину безопасной. Не было в ней ничего привлекательного: чахлые светлые волосы уложены в короткую прическу, беспощадные грабельки возраста успели провести полосы морщин под незначительными карими глазами, несмотря на усиленные маски и кремы. Типичная училка, измученная педсоветами, второгодниками и стародевичьей половой неудовлетворенностью.

Но...

Но, взглянув под другим углом, Вера поняла, что нашел в ней Максим. В миниатюрной и живой, как ртуть, Ирине билась энергия – ошеломляюще женственная энергия неуловимо притягательных движений. За Ириной, оказывается, интересно было наблюдать. Сколько лет знакомы, пусть не задушевные подруги, но достаточно близкие приятельницы, а не сумела Вера распознать под внешней невзрачностью искусницу амурных интриг. Слепая...

От предположения, что именно Максим лишил эту пере-

старку невинности, Веру затрясло. Давно приключилось сие глобальное действие или вчера, когда Олежка спал в соседней комнате?

Впрочем, разницы нет. В любом случае муж «передарил» духи на днях...

Ирина разлила чай в неглубокие чашки, принесла из кухни курагу в конфетнице и ополовиненную бутылку коньяка: – Будешь? Нет? А я себе капну.

Продолжая чирикать о чем-то, не прекращала двигаться. Домашние бриджи сидели на крутых в меру ягодицах так плотно, что вырисовывались все соблазнительные ямочки в дополнение к вырезу плавок.

– Подожди, – прервала Вера медоточивое словоизвержение и поднялась.

– Тебе нехорошо? – засуетилась Ирина.

– Мне нормально. Извини, надо кое-что выяснить.

Не отвечая на всполошенные вопросы, Вера стремительно оделась, сунула ноги в сапоги и полетела по лестнице вниз. Обернулась на последней ступени: дверь квартиры была распахнута, в проеме стояла Ирина. Молча.

Вера выскочила на необитаемое шоссе в порыве пасть под первые же колеса.

Плечью обуха не перешибить... боль болью... как там было? Развернувшись, саданула ребром ладони о каменную стену остановки. Жуликоватый молодой человек, ошивавшийся поблизости, шарахнулся в тень, и тотчас перед Ве-

рой остановилось такси. «Адрес скажите, девушка» – «Да, адрес...» – «Вечером тариф другой» – «Сколько?» – все машинально.

Открытие Ирининогo потаенного жара и пыла совершило жестокую, но, кажется, своевременную коррекцию памяти и зрения. Даже слуха. Вера вспомнила, как Максим якобы по-дружески тискал Ирину при встречах. Как стремился подсесть к ней на вечеринках, «нечаянно» касаясь коленей, норовил покурить наедине в кухне, и сложно было пропустить мимо ушей свойское, почти интимное обращение к посторонней вообще-то женщине: «Иринка... Иришка». А вот жена пропустила.

Легко называть мелких и хрупких уменьшительными именами, не то что высокую, под стать мужу, Веру. Верочкой звала ее мама...

Дома все повторилось: Максим открыл дверь, кивнул с невозмутимым лицом и ушел в кабинет. Не спросил, где ребенок.

Вера, не снимая сапог, лихорадочно забежала по дому.
– Могла бы потише стучать каблуками! – сердито крикнул муж и не выдержал, вышел: – Ты что, с цепи сорвалась?
«Ага, сорвалась... и точно – с цепи».

Она этого не сказала. Вывалила из шкафа одежду, пошвыряла в чемодан джинсы, свитер, белье. Забрала деньги, какие нашлись.

– Да что с тобой?

– Ничего.

– Ясно, – осклабился Максим, помедлив. – Женщине срочно потребовалась ночь одиночества.

– Угадал, – огрызнулась Вера, – мне – ночь одиночества, ей – «Только ты».

– Во-он оно что! – протянул он и рассмеялся беззаботно, будто с издевкой (или не будто). – Видишь ли, с пустыми руками идти к Иришке было как-то неприлично, а магазины уже не работали. Собирался взять тебе те же духи вчера – и забыл. Прости.

«Во-он оно что, – злобно подумала Вера. – Значит, дефлорация состоялась в ту же ночь, как я уехала на поминки... Либо все-таки случилась давно, а та ночь по-семейному (сын же за стенкой) прошла в антураже с коньяком. И, для приличия, с духами, предварительно подаренными мне любящим мужем».

Хотелось крикнуть: а твой отказ попрощаться с тещей по-человечески – это прилично? Вся наша жизнь коту под хвост – прилично?!

Будь жива мама, Вера уехала бы к ней, но мама находилась уже где-то вне планеты Земля. Вера переночевала в гостинице, повезло хоть в том, что освободилось место. Не спала, естественно. Давила плач в подушку. В горячую голову лезли дикие мысли, вплоть до ножа в грудь изменнику. Представлялось, как расправляется с Максимом, наводит на лицо боевую раскраску его кровью и убивает «Иришку». Сле-

дом – себя. Газеты пестрят шокирующими заголовками, Раиса Павловна в трансе, Олега определяют в детдом...

Не выходило из головы празднование старого Нового года у Ирины несколько лет назад. Вот когда следовало уйти от Максима.

Кроме «своих» Ирина водилась с сомнительными поэтами и непризнанными художниками. Один из этих друзей притащил с собой двух искательниц приключений – юную и постарше, с деревенским именем Дуня. Максим нагрузился как цуцик и пристал к юной. Вера оцепенела в углу дивана, чувствуя себя третьей лишней. Даже четвертой. Не вызвав встречной симпатии у юниорки, муж начал клеиться к Дуне. Та брезгливо отбросила ухватистые пальцы со своего локтя: «Оставьте нас, пожалуйста, мы лесбиянки».

Слово было редкое, стыдное и на публике не произносимое. Тем более в личном ключе. Опешивший Максим покачнулся, взмахнув руками, и под руку удачно подвернулась грудь Ирины. До Веры донеслись пошлейшие его слова: «Как яблочки грудки», на что Ирина с необычной для нее неприязнью ответила: «Дуня тоже так сказала». Он громко захохотал, запрокинув красивую голову...

Девицы были, конечно, никакие не лесбиянки. Просто им было по барабану – к. ф.-м. н. Максим или сантехник. Они видели в нем пьяного навязчивого кобеля, кем он и был в тот момент.

Вера тогда перестала с ним разговаривать. Муж ушел в

общагу к Андрею Порядину, а среди ночи появился под окном. Долго пел романсы в клубах сигаретного дыма, и жильцы накатали жалобу в милицию. Один сосед особенно негодовал по поводу скверного исполнения романсов. Сотрудники правопорядка не углядели состава преступления в пении под окнами, однако участковый предупредил Максима, чтобы серенады он впредь исполнял по возможности музыкально, не во весь голос и до одиннадцати вечера.

Это был период проживания Дудинцевых в съемной однушке, после чего они переехали в общежитие.

Память подсказывала Вере все новые и новые подробности прошлого. Кровавый подтек на плече мужа, похожий на засос, – поверила, дура, что в лаборатории на драгоценное плечо упал с полки какой-то предмет. Приходы пахнущего чужими духами Максима подшофе с неизвестных тусовок. На упреки он со временем стал огрызаться – я весь в работе, а ты лезешь с идиотскими домыслами. Объяснил, что изредка ему необходимо проветривать мозги, иначе взорвутся. При чем тут мозги, Вера не поняла, ведь «проветривать» Максим желал явно совсем другую часть тела. Но смолчала.

...Вера уснула, так и не зная, что делать со своей перевернутой жизнью. Утром, пометавшись без толку по городу, позвонила мужу на работу и спросила об Олежке.

– Ребенок у мамы, – сказал он и положил трубку.

Меньше всего Вере в этот день хотелось видеть свекровь. Невольно сжалась, еще только входя в подъезд, и была удив-

лена благосклонностью Раисы Павловны: свекровь пригласила в кухню, где Олег, с подвязанной на шее салфеткой, ел манную кашу.

Вера отметила и сваренную специально для него кашу, и расчесанные на пробор волосы, и поставленную на табурет шкатулку для рукоделия, чтобы мальчик удобно сидел за столом. Раиса Павловна не любила лишней ответственности, но если соглашалась на что-то, человека добросовестнее трудно было найти.

– Вы, наверное, не завтракали. Может, вместе? – предложила она. Невестку Раиса Павловна всегда называла на «вы».

Вера не посмела отказаться и, хотя кусок не шел в горло, заставила себя запить чаем половинку песочного кольца.

Свекровь сама помыла испачканные кашей щеки Олежки. Дала ему в комнате пакет с оловянными солдатиками, захваченный из сыновнего дома:

– Поиграй, малыш.

Женщины вернулись в кухню.

Странно было видеть волнение Раисы Павловны. Она нервно мяла и складывала Олежкину салфетку длинными, как у Максима, пальцами, унизированными кольцами с крупными камнями. Очевидно, готовилась к серьезному разговору.

Выслушав дежурное соболезнование: «Ах, как жаль, так жаль, ведь ваша мама моложе меня», Вера наконец узнала, почему свекровь считает ее безнадёжной.

– Вы безвольны, – сказала Раиса Павловна. – Вы готовы

сдаться и пустить все на самотек...

Она рассказала об отце Максима, известном в своем кругу техническом эксперте, альпинисте и ловеласе. Супруг Раисы Павловны погиб в горах Алатау за год до окончания Максимом школы.

– Честно скажу: я хотела видеть рядом с сыном женщину сильную, умную, способную противостоять его недостаткам без скандалов и побегов. До вас я с большим трудом предотвратила четыре негодных союза. В истории с вами Максим повел себя строптиво и сумел выйти из-под контроля... Теперь он признался, что любит другую. Я знаю – это ненадолго. Если сын пойдет на поводу своих вожделений, он не ограничится одним разрушенным браком. Надеюсь, вы понимаете, Вера, насколько важны для мира исследования вашего мужа? В своей области он гений. Неполадки в личной жизни не должны сказаться на работе Максима. Они искалечат его талант, распылят, погубят, поэтому ваша задача – не мешать гению делать гениево...

«Она хочет, чтобы я ушла от ее сына?»

– ...и в то же время научиться с хирургической осторожностью устранять его мужские слабости.

«Боже мой, что или кого я обязана устранять с хирургической...»

– Увлечение Максима этой опасной женщиной надо остановить, Вера. В этот раз я вам помогу.

«Раиса Павловна надумала убить Ирину?!»

Речь свекрови была спокойна, лицо хладнокровно, но глаза жили отдельной яростной жизнью и пугали Веру, вызывая в голове кровавые видения ее вчерашних фантазий.

— Дальше вам придется действовать самой. В свое время и мне довелось помучиться из-за адюльтеров мужа, но я нашла способы их предупреждения. Мужчины полигамны, к этому нужно привыкнуть не опуская рук. Будьте выше обид. Попробуйте изменить свой облик, включите творчество, женскую интуицию. Не избегайте лицедейства, вертитесь, хитрите. Каждая ситуация индивидуальна...

Вера вздохнула с облегчением: чего не почудится от недосыпа и расстройства.

— Сделайте все возможное, чтобы сохранить семью. Ради вашего ребенка. Ради науки, в конце концов...

Не представляла Вера, как Раиса Павловна собирается ей помочь. Оказалось, просто: свекровь поговорила с Ириной по телефону, о чем после сама же невестке и сказала. Но не сказала о беседах, проведенных с сыном. Вера догадалась по его поведению. Муж перестал грубить и, хотя оставался немногословным, заметно подобрел. Выкроил из вечно занятого вечернего времени полчаса для общения с Олежкой, за что Вера была особенно свекрови благодарна. Нисколько та не потеряла на сына влияния. Максим любил мать и, гениальный, слабодушный, с поседевшими к сорока годам висками, продолжал ее слушаться.

Летом Дудинцевы отдохнули на море. Максим учил Олеж-

ку плавать, увлеченно строил с ним дворцы из песка. Кажется, начал к нему привязываться. Вера дала себе слово посвятить жизнь великой женской цели под кодовой аббревиатурой ОСС – Очень Счастливая Семья и готовилась во всеоружии встретить охотниц за чужими мужьями.

Мужчины пялились на Веру, похудевшую, с белозубой улыбкой на загорелом лице. Максим читал шутливые стихи о фривольных сероглазых одалисках. Скрывал за иронией ревность...

Андрей Порядин, обмолвился он, выбрал другой курорт.

– Один поехал?

– С Иринкой.

К осени Андрей объявил о женитьбе и попросил Дудинцевых выступить свидетелями на регистрации.

– Нельзя нам, – возразила Вера.

– Почему?

– Говорят, муж с женой рискуют подарить молодым свое счастье...

– А я и не знал, что ты веришь в глупые приметы, – недобро усмехнулся Максим.

...Когда сотрудница загса обратилась к молодоженам с сакраментальным вопросом «Согласны ли вы...», Андрей, к всеобщему смущению, уставился на Веру. Покашливая от неловкости, пособница Гименея дважды попросила рассеянного жениха дать ответ.

– Да, – встрепенулся он и опустил взгляд от высокой сви-

детельницы к невесте. Все вздохнули свободнее, Ирина откликнулась эхом: «Да». Новая ячейка советского общества прошагала к выходу под триумфальный марш...

На свадьбе Вера несколько раз сопровождала Ирину в туалет: от громкой музыки у невесты разболелась голова и подругу замутило. Напряжение между ними не исчезло, они едва обменивались односложными репликами. Вышли на улицу немного подышать свежим воздухом, а крыльцо в табачном дыму. Повернув обратно, Вера поймала конец чьей-то фразы:

– ...не промах, женился на квартире с довеском, – и на говорившего зашикали.

Ирине снова стало дурно, снова побежали в туалет. Только тут невнимательная Вера увидела, что невестино платье подозрительно широко в талии. Не успела ни о чем подумать, кинулась утешать – Ирина расплакалась...

Они помирились, хотя вроде бы и не ссорились.

В ту ночь Максим не давал уснуть Вере до утра, словно это была их свадьба. Вера предполагала, что к возвращению страсти его вдохновили воспоминания грешной совести. Артистично подыгрывая (по совету Раисы Павловны не бежать лицедейства), холодным умом подсчитала примерные сроки Иринино «довеска». Сроки сходились со временем смерти мамы и женского праздника. (С тех пор Вера возненавидела Восьмое марта, и Максим больше не дарил ей духов.)

Знает ли он?... Вера внезапно испытала странную жалость

к мужу. Ко всем мужчинам в его лице, так остро зависимым от непреходящей жажды, от вечного гона, который люди прикрыли человеческим чувством как фиговым листком. Приписали любовь к похоти из ханжеского стыда, нежелания равняться в этом с животными... Минут через пять Вера уже не размышляла о людском лицемерии. Максим, казалось, только что нашел ее, когда-то потерянную, и любил, и боялся вновь потерять. Любовь подтверждалась шепотом, слиянием, движением, и свет фонаря в щели не до конца задернутых штор вспыхивал сильнее...

В начале декабря Дудинцевы поздравили Порядиных с рождением сына, а перед Рождеством Раису Павловну разбил инсульт.

Она была чистюлей. Вера считала ее чересчур требовательной к приходящим уборщицам, теперь же у свекрови не стало переводных заказов, не стало и денег за чистоту платить. Максим нанял сиделку, но мыть полы в квартире Раисы Павловны, готовить, стирать Вере пришлось самой. Не потому, что муж не смог бы оплачивать труд домработницы – он мог, однако видеть в этом качестве больная пожелала невестку.

– Ве-ра, ты пусть уби-рай дом, ва-ри ты, – велела она.

Обращение на «вы» было забыто. К Раисе Павловне сложно возвращалось построение фраз, слова она произносила отрывисто, отдельными слогами. Инсульт нанес ощутимый удар по интеллекту, но властность и высокомерие не постра-

дали нисколько.

Дудинцевы сдали сына в детский сад. Канитель со свекровью не оставляла Вере надежд на скорый выход в школу. Речи не могло идти о переселении Раисы Павловны к себе и уж тем более – в дом инвалидов, Максим не потерпел бы ни того, ни другого. К матери он приезжал редко, отбояривался срочными делами. Что-то не складывалось у него то ли в лаборатории, то ли в отношениях с сотрудниками. Уж Вера-то знала манеру мужа говорить с людьми так, будто его мнение обсуждению не подлежит. Точка всех преткновений, конечная инстанция... В коллективе имелись роптавшие.

Максим привык сопротивляться навязанным жизнью обязательствам, но от других ждал неукоснительного выполнения долгов и обещаний. Поездки жены к Раисе Павловне были несомненно долгом. Носясь с вениками и пылесосом по ее дому, Вера и впрямь чувствовала мазохическое удовлетворение, словно каялась перед собственной матерью, о которой не позаботилась в ее последние дни. Свекровь тоже была старой женщиной и нуждалась в опеке...

Летом лечение в элитном пансионате и усилия медицинских авторитетов возымели действие: Раиса Павловна встала на ноги. Вера прогуливалась с ней по больничной аллее. Утром пятнадцать минут, днем двадцать, перед ужином десять. После выписки прогулки продолжились в сквере у дома Раисы Павловны. Она быстро шла на поправку. Однажды, сидя на скамейке в березовой тени, ткнула тростью в носок

невесткиной туфли:

– Ве-ра. Мой сын тебе изме-няет?

Напрасно Вера считала, что свекровь забыла об этой стороне ее жизни с Максимом.

– Не изменяет.

– А я думаю – да, – спокойно сказала Раиса Павловна.

...Она была, как всегда, права. На празднования мелких открытий, юбилеи и прочие увеселения Максим начал ходить один. Исполняя свой полудочерний долг, Вера не располагала свободным временем и вечера старалась отдать Олежке.

Иногда муж приходил под утро, выпивший или пьяный. По всей вероятности, «проветривал мозги». Как-то раз, открыв Максиму дверь ночью, Вера заметила на его щеке не до конца стертую перламутрово-красную печать, подтвердившую подозрения. Попросила носить с собой ключи. Потом он явился из ванной смущенный, противно заискивающий... прилежно старался доказать супружескую верность.

Скоро по его поведению Вера научилась определять градации связей с неизвестными пассивами: подъем, ровный цикл, спад. Как следствие – чувство вины. Любой мужчина, говорила Раиса Павловна (до инсульта), бессознательно ищет новых ощущений. Гению – гениево, мужчине – женщины.

Вера убедила себя не предпринимать шагов к разоблачению мужнего предательства, не то чтобы не желая, а не на-

ходя больше ни способов, ни сил с ним бороться. Скрученное в тяжкий узел молчание жертвовалось ради сохранности семьи. Игра в OCC превратилась в негласное SOS. Вдобавок ко всему кожа Вериного лица с пугающей быстротой стала терять молодую гладкость, и тело неуклонно брюзгло. Вера пристрастилась к горькому шоколаду, посасывала черные квадратики почти беспрерывно.

Когда Максим в одно утро не вернулся домой и, как ни в чем не бывало, явился вечером, будто с работы (а из лаборатории вызванивали весь день: где Максим Эдуардович... где, где, где?!), в Вере до предела натянулась какая-то адская струна. В апогее обиды, лжи мужа, от которой он сам краснел, в его виноватых и порочных руках, Вера пережила непостижимое по своей абсурдности возбуждение. Не сексуальное. Она вдруг поняла, что чувствует в последнюю минуту самоубийца с обоюдоострой бритвой в напрягшихся пальцах, с блаженной обреченностью оттягивая решительный взмах. И струна словно лопнула, выпустив отчаяние, как кровь из вены.

Исподволь установился долговременный режим, подчиненный расписанию свекрови и аритмичному воспитанию Олежки. Только Максим и вносил разнообразие в распорядок будней редким запросом внимания к себе.

Веру поражала способность его матери считать обмельчавшие события своей жизни значительными. Раиса Павловна продолжала записи в дневнике, который вела с юно-

сти. Усаживая ее в кресло за письменный стол, Вера тихо ужасалась: в толстой общей тетради стояли кривые палочки, галочки, цифры вразброс. Раиса Павловна напрочь забыла буквы родного и английского алфавитов, но не изменила многолетней привычке. А еще она обязательно читала полчаса в день. Протирала бархоткой очки и через две минуты перелистывала страницу. Часто – в перевернутой книге.

Иногда на Раису Павловну находило великодушие, она соглашалась остаться одна (с вызванной сиделкой). Дудинцевы побывали на торжестве в ресторане по случаю защиты кандидатской диссертации Андрея Порядина. На следующий день – у Порядиных дома, и Олега с собой взяли. Вера чуть не ахнула громко, увидев сына Ирины Марика, похожего на Олежку как младший брат. Никто, кроме нее, не удивлялся. Деликатная причина поразительного сходства мальчиков была, наверное, известна всем знакомым.

С глубокой неприязнью любовалась Вера хозяйкой. На Ирине был модный парик цвета нуги, дополненный ярким макияжем. Черное шелковое платице на бретелях облегало фигурку точно комбинация без кружев. Хоть бери эту статуэтку под названием «Завуч в неглиже» и показывай на выставках непризнанных художников...

Приметив, что Максим украдкой пустил в ход блудливые руки, Вера мгновенно взвинтилась. Потом испортилось настроение и у Ирины, потому что Андрей, по своему обыкновению, с восторгом вылупил на жену друга. В упор не

видел ее двойного подбородка и расплывшихся боков.

Робкое ухаживание Порядина рассмешило Веру, но все-таки хорошо встряхнуло. Она завязала с шоколадом, сделала короткую прическу и записалась к известной косметичке.

Вздremнувшая после обеда Раиса Павловна спросонок не узнала невестку.

– Ты кто?

– Вера.

На лице свекрови отразился труд неповоротливых мыслей:

– А-а, Тама-ра. (Тамарой звали ее последнюю домработницу.) Возьми, пожа-луйста, деньги в сер-ванте, Тама-ра, и боль-ше не приходи.

– Я Вера, жена Максима.

– Ве-ра, – поблекшие глаза ожили, просыпаясь, оценивая. – Тебе хоро-шо так воло-сы. Подай мне книгу.

– Она у вас в руках.

– А-а.

Раиса Павловна выронила на пол томик Лескова, опустила ноги на палас.

– Пойдем, хочу во-ды.

– Просто воды?

Свекровь кивнула. Водой для нее была любая жидкость – чай, суп, молоко, морковный сок.

– Ребе-нок у них хоро-ший растет?

– У Порядиных? Красивый мальчик. На Олега чем-то по-

ХОЖ.

– Твои воло-сы стали как у Андрю-шиной жены, – вспомнила Ирину Раиса Павловна.

Она знала, что друг сына Андрей женился на свадебной свидетельнице Веры. На той «опасной» женщине, которую насилу уговорила не рушить семью Максима. Не всю память растеряла Раиса Павловна.

Несмотря на понятное нерасположение друг к другу, общение жен двух товарищей возобновилось. Вышедшая на работу Ирина звала Веру в школу, обещала договориться о дневных часах перед обедом.

Спустя год Максим защитил докторскую. Справляли в том же ресторане, и роли переменились: пышные Верины волосы отросли ниже спины, сшитое у частной портнихи платье сидело как влитое, а подурневшая беременная Ирина была в чем-то несуразном, просторном, выглядела болезненно и ушла рано. Порядин увивался вокруг Веры, Максима откровенно забавляли ее смущенные попытки отвести от себя назойливого воздыхателя. Разозленная циничным попустительством мужа, она тоже ушла, не дождавшись десерта.

Сильно перебравший Порядин приволок невменяемого Максима к ночи. Пока Вера снимала с мужа костюм (жалко – новый), Андрей развалился в кресле и захрапел. Она попыталась растолкать – бесполезно. Тогда Вера вызвала такси и, приснув водой Андрею в лицо, закричала:

– Езжай! Езжай домой, пожалей жену!

Едва он закрыл за собой дверь, раздался телефонный звонок.

– Мой муж у тебя-а-а? – навзрыд заплакала Ирина в трубку.

– Не нервничай, поехал уже, – сказала Вера.

Отстраненно подумала: вот жизнь! Свела людей, перепутала, замутила какой-то параллелепипед вместо заурядного «треугольника». Физики-математики, ё-мое...

В седьмом классе поселковой школы Вера списывала домашние задания по физике у одноклассника, которого тоже звали Андреем. Он проверял по Вериным тетрадкам свою грамматику. Иногда они дрались. Вера била его учебниками, он дергал ее за косу. Маленькие стычки не причиняли им физической боли, но пульс незнакомого томления горячил пальцы обоих. Мальчик нежно, будто невзначай, касался руки Веры. Она отдергивала руку, а вечером целовала запястье с мыслью о нем. Аморфная мысль волновала своей недосказанностью. Учились вместе всего полгода, затем семья мальчика переехала в город, и следы затерялись.

Фамилию одноклассника Вера забыла. Что-то птичье. Воробьев, Скворцов... Соколов? Перебирая названия птиц, она уснула в кресле, где другой Андрей полчаса назад лепетал ее имя.

Вера не сумела противостоять расспросам свекрови, проговорила о последствиях ресторанного торжества. Раиса Павловна, чьи некогда активные житейские позиции дегене-

рировали в узконаправленный интерес к напастям невестки, все еще была полна решимости воспитать в ней стойкость к периодическим кульбитам мужа.

– Эпи-зод, – выудила из зыбкой памяти сложное слово, – это эпи-зод, Ве-ра! – и, взглянув на раскрытую аптечку, ассоциативно извлекла с ее помощью вполне вразумительную метафору: – Залепи лейко-плас-тырем, доро-гая. Скоро пройдет.

Вера так и делала. Залепив очередную рану лейкопластырем выносливости, на корню рубила желание узнать об «эпизодах» больше. Пусть кто угодно, хоть снова Ирина, пусть гульнувший муж сочиняет легенды о командировках – Вере плевать. Ни его, ни себя не унижала дотошными расспросами. Должен же быть у большого ученого, человека увлекающегося, какой-то изъян!..

Ценя снисходительное отношение Веры к его мужским слабостям, Максим всегда возвращался домой. Жена – гавань надежная. Проверенная гавань – плывите дальше, маленькие, манящие, красивые кораблики. Мимо, мимо...

Между тем здоровье свекрови ухудшилось. Прекратились прогулки, затем «чтение» и записи в дневник. Лечь в больницу категорически отказалась:

– Дома хочу уме-реть.

Преодолев в себе отвращение к больному воздуху в квартире матери, Максим взял отпуск и зачастил к ней вместо Веры. При сыне Раиса Павловна и скончалась в ясном со-

знании. Перед смертью, утверждал он, рассудок ее внезапно просветлел, они так хорошо поговорили, успели попрощаться...

Зрелище рыдающего мужа потрясло Веру. Два дня он плакал страшно, как плачут взрослые, и жалобно, как ребенок. Но на похоронах держался церемонно – чопорный, с застывшей прямой спиной, соболезнования принимал сдержанным кивком.

Когда разбирали завалы бумаг в квартире Раисы Павловны, Вера тщетно искала ее дневники. Пропали куда-то стопки клеенчатых тетрадей, виденные на полках антресоли в прихожей. Зато в документах обнаружилось завещание, выполненное по всем правилам месяц назад. Раиса Павловна неведомым образом умудрилась через знакомого нотариуса отписать квартиру внуку.

Вера со спокойной совестью вышла на работу под крылышко Ирины, ставшей директором школы. Праздники Дудинцевы и Порядины по традиции справляли вместе. Олег начал учиться в физико-математической школе, позже туда отправился и Марик. Мальчишки дружили. К Асеньке, сестрице Марика, оба относились с братской нежностью.

Максим водил сына в институт, дома рассказывал о возможностях приборов, с помощью которых ученые скоро будут регулировать нежелательные процессы в магнитосфере. Мощное возмущение в ней уже способно вызвать экспериментальное нажатие спускового «крючка».

С возрастом у мужа сильнее проявились родительские чувства, ночные вылазки и выпивки прекратились. Однако по женской части он не уgomонился. Сметка в этом деле у Веры наострилась как у заправского сыщика, хотя нисколько она за Максимом не шпионила. Просто, чистя его пиджак, отцепила однажды с рукава кудрявый, крашеный хной волос. Сразу поняла – совпадает с Ирининой нынешней «химией». Посомневалась, оберегая себя от расстройства. Мало ли... Встречались же на виду, и волосы у «Иришки» всегда были слабые.

Может, сын и догадывался о недоразумениях в интимной жизни родителей, но помалкивал. Они тщательно соблюдали видимость согласия. И между Порядиными Вера не замечала особых противоречий. Правда, Андрей к ней не охладел, она знала. Человек по натуре рассеянный, Андрей был вынужден следить за собой, чтобы, не дай бог, не вылетело лишнее слово, чтобы жена не поймала брошенный на Веру тоскливый взгляд. А Максим все так же звал Ирину ласкательными именами, обе семьи привыкли.

Потом грянуло время тревожное, безденежное. Учителя получали зарплату раз в три месяца, институт выживал на грани закрытия. Газеты и телевидение наперебой вещали об охватившей мир эпидемии СПИДа и неслыханном росте криминала.

Как-то раз Вера припозднилась на собрании, и когда шла по пустынному переулку, бегущий мальчишка сорвал с нее

норковый берет. Был бы преступник взрослым, она бы поостереглась. Но такие же подростки окружали ее в школе, и взбешенная Вера понеслась за ним с воплями. Только уши продуло...

Выслушав ее рассказ, муж хохотнул:

– Главное, что в голове, а не на ней!

Вера оскорбилась. Накануне Ирина подвернула ногу, так он несколько раз звонил, выясняя, был ли рентген, нет ли у Ириши трещины...

– Я получила стресс, – сухо сказала Вера. – Этот отморозок, в конце концов, мог полоснуть меня ножом.

– Не полоснул же, – пожал плечом Максим.

Дудинцевы молча поужинали и молча разошлись по разным комнатам, как повелось со времени учебы Олега в университете другого города. Обычно они сплывались в каникулярные дни сына и осторожничали наедине, а тут мимо-летняя размолвка легко сломала хрупкое равновесие.

Теперь все свободные часы муж проводил в кабинете, изредка заходя в кухню чего-нибудь пожевать. Если не находил еды в кастрюлях, сам жарил себе яичницу и варил кофе. Вел себя так, будто жена была невидимкой.

Вера не понимала причины такого к ней отношения. Вернее, отсутствия всяких отношений. Это при том, что Максим перестал задерживаться в лаборатории. Работа – дом, тут они сравнивались. В Вере разгорался тлеющий гнев. Хотелось напрямик спросить у Ирины: снова ты? Твои козни?

Не спрашивала, невольно включаясь в игру. Брак Порядиных, нетрудно догадаться, тоже не был гладким, они тоже лгали детям ради искусственного спокойствия. Марик поступил в «Олежкин» вуз, Асенька забегала к тете Вере узнать, нет ли писем...

Тягостная игра в ОСС длилась до вхождения сына в самостоятельную жизнь. Он женился. Едва взглянув на невестку, Вера подумала: безнадежна. Белокурое чудо по имени Маша взирало на Олега небесно-голубыми глазами, словно язычник на идола. Чудо пока пребывало в неведении, что мужские идола Дудинцевых любят, когда на них молятся как можно больше женщин. Считать тебе скоро надоеет, Маша, представительниц супружнего гарема...

Вступив во владение квартирой Раисы Павловны, молодые отделились и по расстоянию, и по духу: Олег предпочел другой институт, хотя отцовский к тем годам существенно упрочил свое положение. Максим витал в космосе и, стелкаясь в кухне с женой, кажется, еле припоминал, кто она такая.

...Его звонок вкупе с заговорщицким голосом застал Веру врасплох в учительской посреди гомона большой перемены. Вера в буквальном смысле пережила значение слова «офигела»: порыв осеннего ветра за окном подхватил и унес с тополя фиговые листья. Этого не могло быть, как не могло быть того, что муж пригласил ее куда-то «на вечер вдвоем».

– Ты не ошибся? – холодно спросила она. – Я Вера.

– А кто еще! – рассмеялся Максим. – Запиши адрес.

Вера тупо смотрела на расплывающиеся в глазах буквы, которые сама записала. Адрес назначенного места свидания не был ей известен. Почему Максим просто не назвал ресторан? Или это кафе? Впрочем, он не говорил ни о ресторане, ни о кафе...

Три урока она отвела на автомате. Купила по пути домой тушь для ресниц. Приняла душ, подкрасилась, влезла в джинсы и непритязательный черный свитер с воротом хомут – так выглядела моложе, зеркало подтвердило.

Такси подвезло Веру к многоэтажному дому последних лет социалистического строительства. Обыкновенный двор в саженцах под окнами, грубо сбита надолба крыльца, железная дверь на первом этаже со следами сварки в шарнирах... Как-то все это подозрительно... Кто живет в квартире, что задумал хитроумный муж?

Через минуту бесплодных усилий дозвониться/достучаться Вера убедилась, что дверь не заперта, а внутри никого нет.

Стол в кухне был накрыт на двоих: бутылка коньяка, салаты, бутерброды, пачка «Pall Mall», пепельница. В единственной комнате белела стеганым покрывалом двуспальная кровать. Чистенько, светло-оранжевые обои, шторы под тон. Надпись в углу черным маркером – внелитературный глагол в применении к неизвестной Рите С.

А вот и сам режиссер! Вера кинулась в прихожую на трель дверного звонка, готовая залпом выложить мужу, что она ду-

мает об этой хате, равно годной для съема продажных девок и убийства постылых жен.

Сияющий взор вошедшего человека с конфузливой радостью устремился к Вере из-за букета роз.

– Андрей?!

– Прости, я не сильно задержался? Я поздно прочел твое письмо...

Он ожидал совсем другой встречи и долго не мог сообразить, что обманут так же, как Вера.

Письмо от ее имени с приглашением «на вечер вдвоем» Андрей вынул из домашнего почтового ящика. Изумленный, заинтригованный, разорвал послание на клочки и, купив букет, помчался по указанному адресу.

– Зачем выбросил письмо?

– Ты просила меня сразу его уничтожить, – пробормотал Андрей. – В нем же и написала... Я думал, это ты... не знаю твоего почерка...

– И ты поверил?!

В своем далеко зашедшем розыгрыше Максим просчитал даже счастливую растерянность Андрея. Понятно, что у Порядина голова пошла кругом от неожиданного предложения женщины, любимой, как он полагал, безнадежно...

Они замерли и переглянулись: в двери щелкнул на два поворота ключ! Донеслись звуки удаляющихся по ступеням шагов.

– Максим! – закричала в ужасе Вера, колотя в замкнутую

дверь кулаками. – Что ты творишь?! Что ты со мной творишь?!!

– Это Ирина, – вздохнул Андрей.

Вера рванулась к кухонному окну. Он был прав: в синих сумеречных проемах между стволами берез просквозила женская фигурка.

– Боже мой... За что они так с нами?!

– Решили расставить точки над «і».

– Свести нас, чтобы самим сойтись без проблем?

– М-да... Не весьма с их стороны тонкий намек.

– Они придумали это из-за меня.

– Похоже на то, – невесело усмехнулся Андрей.

За полтора часа пленники пустили в дым пачку «Pall Mall». К коньяку с закуской не притронулись. Вера плакала, Порядин пытался ее утешить. Словами, не приближаясь. Выбрались впотьмах через окно, благо впритык к нему росло дерево.

– Провожу, – настаивал он. – Хотя бы до остановки.

Вера шла, ехала, снова шла как пьяная. Дымная голова раскалывалась от унижительного чувства *безнадежности*, ярости и стыда. Жестокая выходка мужа последней каплей пала в чашу терпения. В клееную-переклееную чашу.

Дома было тихо. Из-под двери Максимова кабинета сочился желтый свет.

Собратся, уйти, сбежать куда угодно, в поселок к тетке... которой Вера не нужна... никому не нужна, кроме Андрея...

А он – не нужен ей.

Бритва. Дежа-вю из будущего – вот что подсказывало испытанное когда-то наваждение с бритвой. Вера села на край ванны: говорят, в воде это легче сделать. Теплый, как грибной дождь, поток струился сквозь пальцы.

– Вера, ты в ванной?

– Нет, меня здесь нет.

– Не шути со мной.

– Глупый был вопрос.

Щелчком закинув лезвие на полочку, она слизнула красную каплю со случайного пореза на мизинце. Сюжет истории одного суицида поменялся на ходу. В мыслях стало чисто и звонко.

Дверь ванной распахнулась. Максим отпрянул, но крепкая пощечина успела впечататься в щеку... И шею Веры сдавили стальные тиски. Руки мужа были холодны и неумолимы.

– Жми, – прохрипела она, глядя налитыми кровью глазами в его налитое кровью лицо.

– Дура. Пошла вон.

Ему стоило огромного напряжения воли разжать пальцы и оттолкнуть жену.

Вера сползла по стене с ощущением разрыва горла. Жгучий воздух резал натужные легкие. Большими хлебками хватала Вера колючую жизнь со вкусом талого снега и запахом меди. Наполнила себя дыханием до хруста шейных позвон-

ков, зажмурилась. Посидела, дыша уже не бурно, чувствуя, как лопаются в ней корки залежалых лавин, как течет и остывает горячая магма.

Добравшись по стенам до желтой полосы света, Вера сиплыми толчками слов сказала:

– Я. От тебя. Не уйду. Ты тоже. Не уйдешь. От меня. Я знаю.

Сказала и залаяла – так засмеялась. Не могла по-другому саднящим горлом.

– Психушка по тебе плачет! – крикнул Максим за дверью.

– А по тебе – тюрьма.

На ночь она выпила сырое яйцо и чашку молока с медом. В школе никто не удивился, что закуталась до подбородка в тонкую шаль и говорит хриплым голосом. Эпидемия гриппа набирала в городе обороты, вот и Ирина Алексеевна заболела...

Ничего не изменилось. Максим с виду был равнодушен по-прежнему. Ирина недолго «бюллетенила». По выходе похвалила Веру на педсовете за интересные классные часы. Работали как раньше. День шекспировских страстей будто выпал из календаря, хотя в доме явственно ощущалась атмосфера настороженности и ожидания.

Когда однажды в кухне что-то загремело, Вера подумала, что Максим грохнул об пол противень, в котором запекал себе свиной окорок. Аромат мяса и специй разливался по всем комнатам сквозь ток скрытых эмоций... С вскипевшим

тотчас намерением сказать мужу что-нибудь хлесткое, она поспешила в кухню. И остолбенела.

На полу, заляпанном жирными брызгами, действительно валялся опрокинутый противень, и под столом румянился бочок хорошо прожаренного окорока. Максим лежал, раскинув руки, с кухонным полотенцем на лице. Видимо, выпало полотенце из пальцев в последний миг.

Очнувшись, Вера сразу же позвонила в «Скорую». Врачи сказали – кровоизлияние в мозг, смерть была мгновенной.

Устройство гражданской панихиды и похорон взял на себя институт. Друзья Максима, настоящие и мнимые – те, кто тайно с ним враждовал, говорили о нем как о крупном ученом, чьи масштабные труды еще не оценены по достоинству, но обязательно будут. Говорили, что был он прекрасным человеком, другом, семьянином и примером для всех. Обращались к вдове с неподдельным сочувствием. Никто не сомневался в ее страшном горе. Некрасиво хлюпая носом, рыдала рядом Ирина. Плакали Олег с Мариком, студентка Асенька и даже Андрей. Вера вытирала щеки вышитым платком из набора, подаренного ей Максимом в дни Олежкиных каникул. Ясная теплая вода омывала лицо, внося в расслабленные мысли приятное умиротворение.

Жаль, что Максим не увидел внуку – копию своего женского воплощения. И двоих внуков – сыновей Марика. Андрей-то успел с ними повозиться, пока его не прикончил рак поджелудочной железы. Снова все плакали, в том же составе

и месте, но теперь без него...

Вера Георгиевна оторвалась от бездумного созерцания окна. Из форточки неся смолистый дух хвои и весны. Собака легонько потянула зубами за подол халата – хватит сидеть, на улицу пора.

– Пора, – согласилась Вера Георгиевна, – очки найду и пойдем.

Очки на прогулке были нужны ей для покупки газет. Киоскерша позволяла постоянной покупательнице пролистать свежие номера «Вечерки» и «Аргументов» с их фактами. Если заголовки казались непривлекательными, Вера Георгиевна газеты не брала.

Куда-то очки запропалились и нашлись вскоре – на голове. Растеряха, отругала себя Вера Георгиевна. Вынула из стакана с содовым раствором низку вставных зубов. Интересно, думает ли Женька, что с искусственной челюстью человеку жить стыдно и уже нельзя? Верочка так думала в юности...

Тугрик сделал на улице свое дело. Хозяйка сунула руку в резиновую перчатку и специальным совком аккуратно положила «дело» в целлофановый пакетик. Зашагали потихоньку привычным маршрутом к мусорному ящику, оттуда по аллее к газетному киоску.

Просмотрела «Вечерку». В ней писали о махинациях с земельными участками, было много весенних советов по саду-огороду. Ничего любопытного. Не купила газету, только и зацепился взгляд за неуловимо знакомую фамилию в ко-

лонке некрологов. Ушел из жизни какой-то Петухов А. В., прекрасный человек, семьянин и так далее...

В магазине вкусно пахло соленой селедкой. Вера Георгиевна помешкала и не стерпела – взяла рыбку и пучок зеленого лука к пюре. Изжога, конечно, помучает, ноги отекут, но разок можно. Если и малой радости себя лишить, уж лучше впрямь под гранит.

Горка мятой с молоком и маслом картошки, приправленной лучком, сбоку ломтик селедки – простая еда. Зато со вкусом детства. Мама любила, и Верочка не отставала – трескали за обе щеки...

Вера Георгиевна цокнула языком, призывая песика на остатки пюре. Он понюхал и отвернулся. Она вздохнула:

– Избаловались мы на мясном, – с собакой была на «мы».

День незаметно ушел в прошлое, как жизнь. Вера Георгиевна дважды зевнула и обрадовалась: может, удастся избежать бессонницы. Засеменила, теряя тапки, на ежевечерний тет-а-тет по телефону с Ириной Алексеевной. У той пошаливало сердце и что-то неладное началось с почками.

Рассеянно слушая душераздирающий рассказ о почечных коликах, Вера Георгиевна размышляла: а если бы они с ней махнулись мужьями? И неожиданно для себя прервала приятельницу:

– Ответь-ка мне, Ирина, а чего вы с Максимом ждали, когда заперли нас в блатхате? Что мы поутру проснемся и радостно выйдем к вам рука об руку?

Голос в трубке захлебнулся на полуслове. Ни разу не затрагивали они в разговорах «щепетильную» тему, а Вера вдруг нарушила табу. Ирина Алексеевна затаилась, соображая, не отключиться ли без пожелания спокойной ночи... И приняла вызов:

– Никогда не понимала, зачем ты цеплялась за него.

– Думаешь, ты была бы с ним счастливее? С бабником?

– Он всегда возвращался ко мне.

– К тебе? – удивилась Вера Георгиевна. – У тебя совесть есть законной жене такое говорить?

– Максим был моим, прежде чем ты стала его женой. Если б не твоя свекровь, он был бы моим!

– Не знала, что ты меня опередила...

– Верная Вера, – с отчетливой ненавистью прошипела Ирина Алексеевна. – Оба вы с Андреем праведников из себя корчили...

– Андрей совсем не прочь был изменить тебе со мной, – усмехнулась Вера Георгиевна. – Но я его не любила.

– Ты вообще никого не любила!

Ирина Алексеевна наконец-то отключилась.

– Поцапались, – сообщила Вера Георгиевна внучкиному портрету на полке. – Мужчин наших нет, а любовь бушует. Зря ты думаешь, что она после сорока заканчивается. Ничего она не заканчивается.

Чувствуя себя виноватой перед Ириной Алексеевной, Вера Георгиевна и расстроилась, и в то же время была доволь-

на своей маленькой местию. Никуда не денется старая перечница, завтра позвонит, и больше они не поссорятся. Осталось-то обеим...

По телевизору показывали недовымершую рыбу латимерию. Синее в белых пятнах доисторическое существо лениво шевелило толстым бахромчатым хвостом и рудиментарными ножками по бокам.

Целакантообразные плавали в море, когда людей еще в помине не было. Исчезли сотни человеческих поколений с их бешеными страстями, а хладнокровные латимерии плавают себе... И с чего это Ирина Алексеевна воображает, что Вера никого не любила?

– У женщины должна быть одна любовь и один муж, – строго сказала Вера Георгиевна собаке, чтобы самой в этом не сомневаться.

И засомневалась.

– Не всем везет. Настоящая любовь – штука редкая. Как целакант.

Тугрик тявкнул – наверное, подтвердил.

Она помолилась: пусть хоть Женьке повезет. Решила с утра разобраться в бумагах. Выбросит ненужные, сверху положит завешание внучке на квартиру и поставит шкатулку с документами на видное место в сервант.

Бессонница подкатывала к горлу кислой селедочной изжогой. Жжет, болит – значит, живое. Во всем можно найти положительную сторону.

На всякий случай Вера Георгиевна снова помолилась – о смерти для себя, легкой и в сознании. Надо успеть поговорить с Олегом, взять с него обещание не бросать жену и дочь. Если только Мария сама не додумается уйти. Слово перед смертью, каким бы ни был сын ветреником, – дело надежное, уж мудрая-то свекровь точно все просчитала...

Вера догадалась о данной Максимом клятве Раисе Павловне, когда сидела, полузадушенная им, прислонившись к стене ванной комнаты. Максим сдержал слово. Презирал Веру, видеть ее не мог, а не бросил.

Вздохнув, Вера Георгиевна осторожно повернулась на бок, стараясь меньше беспокоить желчный пузырь. Чертова селедка. Ведь зарекалась в прошлый раз не брать.

Скоро, скоро Максим встретит душу жены... Вот уж совсем не хотелось Вере Георгиевне лежать с ним всю оставшуюся вечность. С радостью уступила бы свое место Ирине Алексеевне.

Жаль, не прожить жизнь сначала. Повторите, пожалуйста...

Вера бы все исправила. Таким хорошим был Андрей, у них бы все получилось. Не Порядин Андрей, а тот, с птичьей фамилией, у которого списывала домашние задания по физике в седьмом классе. Не далеко же уехал тогда паренек из поселка, жил в городе. Раньше б знать да найти.

Вера Георгиевна восторгалась: Петухов! Вспомнила – Андрей Петухов! Где-то недавно встречалась ей эта фами-

лия...

Виагра

Человек немногословный и по виду меланхолический, Василий Игнатьевич полностью отвечал бы своей фамилии Тихонький, не вклинься в невозмутимость унаследованной им породы взбалмошность матери.

Теперь не скажешь, была ли мать столь уж безалаберной, какой считал ее дед Володар, но каждое опрометчивое действие снохи, случалось и с удачей (раз взяла лотерейных билетов на ползарплаты и выиграла дефицитный ковер), осуждалось в доме свекра днями молчаливого неодобрения. Поэтому, зная и в себе трудно подавляемую блажь, Василий Игнатьевич старался не порицать ничьих нелепых поступков, а если спрашивали мнения по поводу чужого казуса, отбояривался присловьем: «Кто я такой, чтоб судить?»

Изредка шальная дурь оказывалась сильнее Василия Игнатьевича. То привезет с городского рынка голодных цыганят, то освободит из капкана щенную волчицу, то наперсточники завлекли – спустил получку и долго казнил. До новой причуды... Но было одно сумасбродное событие в его жизни, когда он дал волю захлестнувшей душу порыву и ничуть о том не пожалел. Да, вопреки ядовитым домыслам сплетников, никогда не раскаивался Тихонький Василий Игнатьевич в скандальной женитьбе на Аделине. На Адельке-хромуше, как называли ее недоброжелатели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.